

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Продавец РОДИНЫ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов
Продавец родины

«ЭКСМО»

2013

Леонов Н. И.

Продавец родины / Н. И. Леонов — «ЭКСМО»,
2013 — (Полковник Гуров)

В Москве в аварии погиб директор оборонного предприятия Андрей Вертянин. Криминалисты осмотрели место происшествия и дали инциденту однозначную оценку: несчастный случай. Дело было закрыто. Однако вдова Вертянина с выводами криминалистов не согласилась. Расследование было поручено лучшим сыщикам – полковникам Гурову и Крячко. Следователи с азартом принялись за работу и в первую очередь решили навестить конкурентов Вертянина, дела которых пошли с недавних пор в гору...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Николай Леонов, Алексей Макеев

Продавец родины

Глава 1

За три тысячи лет до описываемых ниже событий. Приалтайские степи.

...На высоком холме у шитого золотой нитью шатра властителя скифов Анахарсиса царило смятение. Его сын Марсагет, минувшим днем уехав со своей дружиной на охоту, к назначенному сроку не вернулся. Мрачный, как туча, Анахарсис вызвал к себе начальника своей личной стражи Кадуя и приказал тому найти Марсагета во что бы то ни стало, живым или мертвым.

По травянистому степному простору, распугивая стаи дроф и сайгаков, в разные стороны помчались царские стражники. Они объехали все охотничьи угодья, все поросшие мелколе-сьем дальние балки, добрались даже до ближних лесистых предгорий старика Алтая, но разыс-кать сына Анахарсиса так и не смогли. Он словно испарился, как капля воды, попавшая на раскаленные камни очага. И тогда царь собрал всех своих советников, всех мудрецов, знахарей и шаманов и попросил у них совета – как теперь ему быть? Другого наследника у него нет, а Марсагет пропал бесследно.

Долго те думали, возносили жертвы богам, лили в ледяную родниковую воду топле-ный воск и расплавленное золото. Когда же их уму пришло полное просветление, дарованное богами и духами, а все тайные обряды привели к одному ответу, явились они к царю и сказали, что сын его еще жив, но томится в какой-то западне. Пусть царь объявит великую награду тому, кто сможет освободить наследника, и Марсагет очень скоро будет в шатре отца.

Когда царский указ глашатаями был объявлен по всем степям, по всем стойбищам, к Анахарсису пришел молодой воин по имени Скилур, который сказал, что попытается разыс-кать царского сына. Однако царь усомнился – по плечу ли ему такая задача? Воин был смел, но рост имел не великанский. Да и от роду ему было всего двадцать три – время чувств, а не дальновидного ума и углубленной мудрости. Можно ли было надеяться на то, что, даже найдя Марсагета, тот сумеет справиться с этим непростым и очень нелегким делом? Что, если Скилур только переполошит похитителей и те, дабы не позволить царевичу обрести свободу, убьют своего пленника прямо в его узилище?

И тогда Скилур, выйдя из царского шатра и спустившись к подножию холма, подхватил на плечи своего скакуна и без натуги, легко и быстро донес его до самой вершины. Затем, взяв в руки одну лишь плеть, призвал себе в поединщики десять лучших воинов, воору-женных мечами-акинаками. И одно сухое полено не успело прогореть в костре, как этот бой закон-чился. Царь не мог поверить своим глазам, когда увидел всех десятерых обезоруженными и поверженными наземь, прячущими глаза от стыда и досады.

Призвав в свидетели силы земные и небесные, у священного жертвенного костра Анахар-сис клятвенно пообещал дать Скилuru золота столько, сколько весит бык-двухлеток, а также во владение степные земли – сколько от рассвета до заката мог бы обскакать лучший конь без седока. И Скилур отправился на поиски царевича. Поехал он по тем местам, где Марсагет охо-тился со своими друзьями, и очень скоро нашел следы, на которые прежде никто не обратил никакого внимания. А увидел воин, помимо следов конских копыт с подковами, сработанными кузнецами его племени бурсков, подковы другого скифского рода – гелонов. И понял он, что именно они взяли Марсагета в плен...

* * *

Такого на МКАДе, при всем обилии происходящих на этом многокилометровом транспортном кольце каждодневных ЧП, ДТП и иных «АБВГДЖЗ», не видели уже довольно давно. Водитель «Форда», летевшего на почти что космической скорости, казалось, сам мечтал поскорее во что-нибудь врезаться. Но, судя по всему, выбирая для столкновения наиболее достойный объект, до поры до времени всех прочих он каким-то чудом успевал обогнуть. Бешено ревуший мотор ясно говорил о том, что акселератор утоплен до предела и тормозам едва ли удастся явить свою спасительную мощь уже потому, что сидевший за рулем принципиально игнорировал эту, чрезвычайно важную функциональную систему автомобиля. Он гнал, и гнал, и гнал свое авто, словно упиваясь этой безумной, губительной гонкой. На повороте кольца в сторону Измайлова, где трасса выписывала вместо плавной окружности несколько угловатый излом, «Форд», не снижая скорости и продолжая двигаться прямолинейно, словно снаряд, выпущенный из орудийного жерла, легко прорвал ограждение и, некоторое время продолжая лететь по воздуху, наконец грянулся о землю и закувыркался, окутываясь огненным коконом. Несколько мгновений спустя полыхнуло ярко-оранжевое облако взрыва, разнесшее на всю округу гулкое, тяжелое эхо мощного акустического удара.

Проезжавшие в этот момент по трассе разом вдавили педали тормозов, выбегая из машин и спеша к обочине. Многие торопливо доставали из карманов телефоны с фото- и видеокameraми. Горькое знамение нашего времени – слишком уж у многих при виде чужой беды вместо ощущения горечи и сострадания на уровне безусловного рефлекса в плоть и кровь вьелось извращенное болезненное любопытство и привычка первым делом хвататься за гаджет, фиксирующий событие в своей электронной памяти.

Пару минут спустя, мигая маячками и подвывая сиренами, примчались сразу три экипажа гибэдэдэшников. Чуть позже подрулила пожарная машина, и последним подошел автофургончик с красным крестом. Скорее всего, это была не «Скорая», а спецмашина медицинского профиля, призванная транспортировать в ближайший морг то, что еще совсем недавно было живыми, полными сил людьми.

Несколько полицейских, спустившись к месту взрыва, приступили к составлению каких-то бумаг. Они о чем-то озадаченно говорили меж собой, оглядываясь на прорванное ограждение и указывая в разные стороны руками. Пожарные, подтянув толстенные рукава, залили потоками пены догорающие, изуродованные падением и взрывом остатки «Форда». Когда их миссия завершилась и они отбыли восвояси, к делу приступили терпеливо ожидавшиеся своей очереди криминалисты.

Судмедэксперт без труда установил, что в машине погиб и сторел, по сути, дотла один человек, скорее всего мужчина. Определить – трезв он был или пьян, под воздействием наркоты или какого-то биологического болезнетворного агента (вируса бешенства, например, – почему бы нет?), возможным не представлялось даже теоретически. Из груды начисто обгоревших и даже обуглившихся костей выжать удалось сущий мизер информации. В частности, судмедэксперт только и смог предположить, что за рулем был мужчина далеко за сорок, среднего или чуть выше среднего роста, худощавого телосложения, когда-то, очень давно, перенесший перелом большой берцовой кости правой ноги.

Зубную формулу установить также было очень затруднительно – в момент тарана машиной ограждения «шумахер» резко ударился лицом о руль, и вплоть до предпоследних коренных зубов все прочие были или сломаны, или вылетели из альвеол. Когда останки, сложенные в пластиковый мешок, увезли с собой отдаленные наследники древнегреческой «Аид-Танатос-компани», специализировавшейся на транспортировке и складировании усопших душ на побережье Стикса, а «Форда» в его последний путь забрал автомобильный «катафалк» – эва-

куатор, только пятно гари на прилегающем к дороге бугроватом пустыре напоминало о совсем недавно разыгравшейся там чьей-то жизненной драме.

Впрочем, о ней уже даже не догадывались участники движения, кто промчался по трассе чуть позже. Из мироздания исчез один из его живых атомов, место которого по закону броуновского движения тут же заняли другие, подобные ему. Лишь где-то в статистических отчетах происшедшее на крохотную единичку прибавило число, иллюстрировавшее графу «ДТП со смертельным исходом». И – все...

Сотрудники районного отделения ГИБДД через считанные минуты выяснили по своей базе данных, кто мог быть за рулем злосчастного «Форда». Согласно данным регистрации автомобиля, в ходе ДТП погиб начальник конструкторского бюро оборонного предприятия «Полус-Вектор-FLI» Андрей Вертянин, сорока восьми лет от роду.

Следователь районной прокуратуры, изучив данные гаишников, судмедэксперта, позвонив на предприятие, где кадровик подтвердил, что «Андрей Степанович сегодня с двух пополудни отсутствовал по причине банкета, организованного замдиректора Фальника Петра Анатольевича в честь своего пятидесятилетия», а также горестно заохавшего юбиляра, который сообщил, что лично видел, как Вертянин садился за руль, будучи «перебравшим» (хотя его отговаривали этого не делать), принял решение уголовного дела не возбуждать.

И в этот же день, наряду с сотнями других семей, получивших похожие известия, семья Вертяниных, замерев в горестном ступоре, облачилась в традиционный траур. В доме были занавешены все зеркала, телеэкраны и мониторы компьютеров – не до них, если из жизни ушло нечто необычайно важное, один из ее главных столпов. В конце этого же дня по улицам Москвы к моргу помчался автофургончик с ярким логотипом «Похоронная компания «Вечность», который доставил в одну из больших квартир новой двенадцатиэтажной громадины необычно легкий гроб.

На следующий день этот же микроавтобус в сопровождении еще нескольких автобусов, заполненных людьми, как в траурном, так и в лишь отчасти траурном одеянии, доставил оплаканный безутешными родственниками последний приют останков усопшего к месту его упокоения. После прощальных речей – как искренних, преисполненных неподдельной горести и скорби, так и формально-дежурных, гроб был опущен в могилу одного из районных кладбищ, засыпан землей и увенчан деревянным крестом с табличкой, извещавшей мир о фамилии, имени, отчестве похороненного да числах временного отрезка его земного бытия.

...Полгода спустя. На производственном совещании в кабинете генерального директора оборонного предприятия «Полус-Вектор-FLI» царили уныние и досада. После гибели главного генератора идей и перспективных разработок Андрея Вертянина застопорились работы над спецустройством, заказанным военно-космическими силами России. Преемник Вертянина, лично подобранный гендиректором из более чем сотни кандидатов на эту должность, в сравнении со своим предшественником оказался мелковат в плане творческом, хотя в плане физических габаритов являл собой «полтора центнера гениальных мыслей», как его немедленно окрестили сотрудники КБ. Все его потуги «довести до ума» компактное УАОБР – устройство автономной ориентации баллистической ракеты – оказались напрасны – казалось бы, почти готовое устройство наотрез отказывалось работать в «полевых условиях».

– ...Ну, так что, Василий Данилович, сможем мы в этом квартале доработать хотя бы ИНП – индивидуальный навигатор пехотинца? – в который уже раз вопрошал гендиректор своего «эддисона», который сидел с задумчиво-многозначительным видом, как бы одолеваемый некими непостижимыми для всех прочих думами.

– Само собой разумеется! – словно сделав какие-то глобальные умозаключения, важно кивнул тот.

– Я надеюсь, Василий Данилович! – генеральный постучал пальцем по столу. – Иначе... Мы уже сейчас, образно говоря, горим, как шведы под Полтавой. Устройство автономной ори-

ентации – я вообще не понимаю как! – смог предложить Минобороны наш конкурент «Пламя-Дельта». Подумать только! Тот же конструкторский состав, но люди отнеслись к делу творчески, с выдумкой и – вот вам результат. Не забывайте, что за окном – не сытая и спокойная эпоха социализма, когда шли плановые ассигнования и можно было жить, штампая устройства позавчерашнего дня. Сегодня от нас требуют электронику и все прочее – дня завтрашнего!

А дела «Полюс-Вектор-FLI» и в самом деле были аховые. Срыв целого ряда заказов подразумевал «затягивание поясов» всего предприятия (разумеется, за исключением его высшего менеджмента), что грозило утечкой инженерных и высококвалифицированных рабочих кадров. В ту же конструкторско-исследовательскую фирму «Пламя-Дельта». А это предприятие за последние месяцы и в самом деле взлетело весьма высоко. Сам министр обороны Путряков уже не раз отмечал его эффективную работу как пример для подражания всех прочих.

Все позитивные перемены в работе «Пламя-Дельты» начались с прошлого года, после прихода в эту структуру нового руководителя. Поэтому гендиректор «Вектора», наблюдая за настоящим фонтаном новшеств, внедряемых конкурентами, только что локти себе не грыз, вспоминая о том, как в свое время без конца осаживал Вертянина, не давая тому развернуться по-настоящему. А теперь – все. Вертянина больше нет, и второго такого уже не будет...

Так-то, в принципе, как и львиная доля всей российской промышленности, оба эти предприятия, будучи в 90-е акционированными, очень скоро стали фактической собственностью неких кипрских фирм. А те, в реальности принадлежа американскому капиталу, не очень-то были настроены на то, чтобы хоть одно, хоть другое предприятие процветало, принося дивиденды российской казне и обеспечивая российскую армию чем-то стоящим. Лишь небольшое удерживало оба предприятия от скорого и беспощадного искусственного банкротства. Во-первых, опасение заморских хозяев, что вместо этих предприятий российскими властями в спешном порядке будут созданы аналоги, уже им не принадлежащие. Во-вторых, они опасались потерять возможность беспрепятственно и беззастенчиво присваивать себе все новейшие стратегические разработки.

* * *

Этим пасмурным августовским утром полковник полиции, старший оперуполномоченный Главного управления уголовного розыска при МВД России Лев Иванович Гуров на работу приехал чуть позже обычного. Вечером он со своим старым другом и коллегой, тоже оперуполномоченным, полковником полиции Станиславом Васильевичем Крячко, вырвался-таки на рыбалку впервые за последние месяца два. Поскольку данное мероприятие в окрестностях Клязьминского водохранилища затянулось допоздна – лещ пер, как полоумный, и домой они вернулись ближе к полуночи, Гуров решил подарить себе лишние полчаса сна.

Когда он вошел в свой кабинет, то сразу же понял, что его друг и напарник отмерил себе дополнительное время сна несколько большее, нежели он. Приняв несколько телефонных звонков – то из экспертного отдела, то от «хакеров», которым он давал кое-какие поручения, в ходе очередного звонка он услышал и голос своего друга и начальника – руководителя управления, генерал-лейтенанта Петра Николаевича Орлова.

– Доброе утро! Вы уже на месте? – поинтересовался тот.

– Э-э-э... Почти, – нашелся Гуров.

– Ну хотя бы «почти», – согласился тот, – и то уже неплохо. Зайди на минутку, тут есть вопрос, я бы сказал, не очень обычный.

Предчувствуя, что вновь «запахло» внеочередным, крайне застарелым «глухарем», Лев положил трубку и направился к выходу. Едва распахнув дверь, прямо на пороге кабинета он столкнулся со Стасом, который, мурлыкая песенку из старого фильма «Дети капитана Гранта»:

«...Кто привык за победу бороться, вместе с нами пускай запое-о-о-т...» – спешил на работу в самом лучшем настроении.

– Вот это – правильно! – одобрил Гуров. – За победу бороться надо. И этим мы с тобой сейчас займемся. Доброе утро, свет наш Стасушка!

– И тебе того же, добрый человек, – напирая на «о», смиренно отвечив Крячко. – А что, достопочтенный, нам опять подкидывают очень «легкое» и «веселое» дельце?

– Опять, опять! – подтвердив, тоже с нажимом на «о», Лев добавил: – Пошли к Петру – он уже ждет.

По пути Станислав вкратце рассказал о не совсем обычном происшествии, случившемся с ним несколько минут назад. По пути на работу он едва не вцепился своим «Мерседесом» в зад резко затормозившего прямо перед ним «Опеля». Как оказалось, его хозяин применил экстренное торможение, чтобы не задавить какую-то собачонку, ошалело метнувшуюся под колеса. Тут же сняв все вопросы – он и сам бы пожалел животину, – Крячко собрался ехать дальше, но тут увидел, как у края тротуара пэпээсник «прессует» какую-то бабульку восточной наружности в замысловатой меховой шапочке, которая, расстелив пару газет, чем-то пыталась там торговать.

Вновь выйдя из машины, он подошел к недовольно пыхтящему стражу порядка и, показав свое удостоверение, поинтересовался, в чем, собственно, суть его претензий.

– Так это, она производит незаконную торговлю в неподобающем для этого месте, – старлей развел руками. – У меня четкое указание – вне разрешенных мест любую торговлю пресекать.

– Да куда я пойду-то?! – сокрушенно завздыхала бабулька. – Вот тех разбойников, которые украли у меня сумку с вещами, вы найти не можете. А меня прогнать – вам раз плюнуть. А мне домой не на что ехать! Вот, может быть, кто купит мои вещи? Хотя бы на билет наберу.

– Да кто тут и что у тебя купит-то? – пэпээсник, поморщившись, пренебрежительно кивнул, указав на медную курительную трубку, уже бывший в деле варган, связку каких-то палочек, полупрозрачный темно-красный камень величиной с куриное яйцо и тому подобные предметы.

– А вы далеко живете? – спросил Крячко, проникшись сочувствием к бабульке.

– На Алтае, милый, на Алтае... – та горемычно вздохнула.

– Хорошо, садитесь ко мне, я отвезу вас на вокзал и куплю билет. До Барнаула устроит? – уточнил Станислав.

Уведомив, что именно до Барнаула ей бы и нужно было ехать, бабуля быстренько свернула свое небогатое хозяйство и, сев рядом со Стасом, неожиданно предложила:

– Ну, так давай я тебе все это и отдам? Раз купишь мне билет...

– Мне кажется, эти вещи вам самой намного нужнее, – усмехнулся Крячко. – Судя по вашему головному убору, вы, скорее всего, из рода шаманов.

– Да, – охотно кивнула та. – Я – шаманка. А тебе что, уже доводилось сталкиваться с шаманами?

– Было дело... – Стас вздохнул и провел по лицу ладонью. – У нас с одной молодой шаманкой несколько лет назад родился сын. Я к нему уже раза два ездил, помогаю, чем могу. Уговаривал ее переехать в Москву – не хочет. Мол, духи ей не позволяют. Ну, думаю, как пацан подрастет, закончит школу, помогу, если надумает, устроиться в университет. Люди говорят, да и Вера сама сказала, что быть ему очень сильным шаманом. Но, мне так думается, шаману высшее образование тоже не помешает?

– Не помешает... – бабулька уверенно махнула рукой. – А ты на эту свою Веру не нажимай – пусть сама думает, как ей быть. Духи не любят, когда им идут наперекор. Раз сказали ей там остаться – значит, так и будет. Слушай, а давай-ка я подарю тебе камень с царского холма? Это холм, где когда-то было стойбище скифского царя. О нем мало кто знает. Холм этот

очень непростой. Если на него поднимется человек с недобрыми мыслями, так может оттуда свалиться и даже руки и ноги себе переломать. А камни с этого холма – ум проясняют, от обмана оберегают.

– Ум проясняют – это хорошо, – согласился Крячко. – Такая вещь всегда пригодится!..

Купив шаманке билет и продуктов на дорогу, сопровождаемый ее благословениями, он наконец-то смог отправиться на работу.

– Блин, встретился с этой бабулей, и так захотелось Веру повидать... – грустно вздохнул Станислав. – Надо будет поговорить с Петром. Может, даст неделю за свой счет?

– Подожди-и... – Гуров покачал головой. – Ща как подвалит «непыльной» работенки – так и небо с овчинку покажется. А камень-то твой где? Хотя показал бы, что ли...

– Да в машине, в бардачке оставил. Пусть лежит! Есть не просит... Ну, понятное дело, поможет он вряд ли чем. Но как сувенир – сгодится...

Войдя в кабинет Орлова, приятели сразу же заметили очень печальную женщину в черном, лет сорока – сорока пяти.

– Доброе утро, господа опера, – сдержанно ответив на их приветствие, Петр кивком головы пригласил их присесть, хотя они и без приглашения плюхнулись в кресла, выжидающе глядя на своего друга-начальника.

– Коллеги, к нам обратилась Надежда Романовна Вертянина – вдова погибшего в марте этого года начальника КБ оборонного предприятия «Полюс-Вектор-FLI», – без пафоса и патетики, деловито заговорил он. – Случилось так, что на МКАДе он попал в ДТП и погиб, сгорев в перевернувшейся машине. Его похоронили на Журавлевском кладбище. Следствие пришло к однозначному выводу, что в машине мог быть только ее хозяин. Но последние пару месяцев Надежду Романовну не покидает мысль о том, что вместо ее мужа похоронен другой человек. Несколько раз она даже видела его во сне живым и здоровым, но находящимся в какой-то западне, что ли... Пошла в свой райотдел полиции – от нее отмахнулись. В прокуратуре только что на смех не подняли. И вот я хочу обсудить данный вопрос вместе с вами. Согласимся, что у женщин интуиция намного тоньше нашей мужской. Отсюда вопрос – а что, если подозрения Надежды Романовны вполне обоснованны?

Гуров и Крячко изучающе взглянули на визитершу.

– Очень прошу вас не воспринимать меня как истеричку, у которой в голове засела идефикс, – женщина грустно улыбнулась. – Но, знаете, это и в самом деле где-то на уровне «шестого чувства». Я и на похоронах не могла отделаться от ощущения, что в гробу что-то, мне совершенно чужое. Да, я понимала, что там останки человека, сгоревшего в машине мужа. Но я не чувствовала, что это – он. Когда гроб опускали в могилу, я даже плакать не могла. Ни слезинки! Зато сейчас – не просыхаю. Я чувствую, что Андрей жив. Жив! И то, что с ним произошло, – хитроумный, кем-то умело поставленный чудовищный спектакль.

На какое-то время в кабинете повисло молчание.

– Скажите, – с напряженной мыслью на лице заговорил Гуров, – а процедуры опознания с вашим участием проводились? Пусть человек и сгорел. Но, скажем, по состоянию зубных аркад можно было бы более-менее определенно узнать – он это или не он.

– Нет, нет... – Вертянина отрицательно покачала головой. – Никто и никуда меня не приглашал. Я сама созванивалась с райотделом полиции, и судмедэксперт, который проводил обследование останков, сообщил, что обе челюсти – и верхняя, и нижняя – сильно повреждены, зубы выбиты при ударе, поэтому опознание проводить нет возможности. Мне даже так сказали: «Неужели вы считаете, что в машине мог погибнуть не ваш муж? Обстоятельства очевидны? Абсолютно. Параметры скелета совпадают с прижизненным складом тела вашего мужа? Совпадают. Чего же вы хотите?..» Но на самом деле в этой истории есть немало странного.

Женщина достаточно подробно рассказала о том, теперь уже далеком дне, когда случилась та злосчастная автокатастрофа.

– М-да-а-а... – саркастично усмехнулся Крячко. – Скорые, однако, хлопцы... Надежда Романовна, а на ваш взгляд, кто бы мог быть заинтересованным в том, чтобы инсценировать смерть вашего мужа?

– Ну, тут может быть масса предположений, – женщина пожала плечами. – Если рассуждать логически, с учетом того, что Андрей был человеком очень талантливым и им интересовались как иностранные фирмы, так и иностранные разведки, то зарубежный след усмотреть вполне реально. Да, все же при социализме с безопасностью одаренных людей было лучше. Их оберегали, и на каждом углу раздобыть их адрес было невозможно. А сейчас... Вон, то и дело слышу об исчезновениях, загадочных убийствах и весьма странных несчастных случаях, происходящих с нашими самыми лучшими учеными, конструкторами, производственниками. Что творится?! Неужели страна не заинтересована в том, чтобы уберечь свои лучшие умы от засланных или кем-то нанятых убийц?

– А Андрею Степановичу от кого-то предложения поступали, скажем, о сотрудничестве, о выезде за рубеж? – задумчиво спросил Орлов.

– Думаю, да, – женщина кивнула. – Но он был такой человек... Андрей считал никчемным беспокоить семью, вносить в ее жизнь сумятицу. Он никому ни о чем таком никогда не рассказывал. Лишь однажды, еще осенью, я случайно услышала его телефонный разговор. Что и кто ему говорил – не знаю, но запомнился ответ Андрея: «Вы напрасно стараетесь, господин хороший! Родина у меня одна, и на вас я работать не собираюсь». На мой вопрос – что там за «покупатель душ», он отмахнулся: «Клоуны дешевые, думают, что если сами насквозь продажные, так и другие им под стать!» И – больше ни слова.

– Очень жаль... – Петр сокрушенно крутнул головой. – У нас сейчас была бы хоть какая-то зацепка. Ну, что скажете, господа сыщики?

Приятель переглянулись. «Крепко он нас подловил!» – казалось, говорили их взгляды. Впрочем, это так и было на самом деле. Ну кто, будучи в здравом рассудке, вот так, с кондачка, согласился бы взвалить на себя, по сути, безнадежный хомут уже успевшего окаменеть «глухаря»? Да не будь в кабинете Орлова этой горемычной вдовы, и Лев, и Стас постарались бы в момент отпихнуться от этого, заведомо дохлого дела. Ну, прямо-таки классически-былинное: пойдешь туда – не знаю куда, найди то – не знаю что. Как начинать поиск хотя бы каких-то концов и нитей, если в реальности нет самого предмета поиска?

Но здесь, в кабинете, присутствовала женщина, которая пришла за помощью. И это не позволило операм сказать «нет».

– Попробуем, хотя за результат не ручаемся, – Гуров развел руками. – Слишком уж мало исходной информации. Придется как-то выкручиваться...

– Да-а-а!.. И выкручиваться придется, и покрутиться – будь здоров! – вздохнул Крячко. – Скажите, Надежда Романовна, а вы с этим вопросом не обращались в ФСБ? В какой-то мере это и по их части.

– Вы знаете – нет, не подумала, – женщина растерянно развела руками. – Ну, если это надо, то я схожу...

– Надежда Романовна, ладно, никуда не ходите – вам и так досталось через край, – Петр махнул рукой. – С ФСБ я сам свяжусь. Какие-нибудь будут еще вопросы к Надежде Романовне? – Орлов окинул приятелей внимательным, изучающим взглядом.

– Да, у меня еще есть вопрос... – Станислав изобразил напряженную мину. – А почему нельзя было сразу же, после ДТП, провести генетическую экспертизу? Все бы сразу же стало на свои места.

– Мне сказали, что остались только обугленные кости, которые для «генетики» не годятся, – в который уже раз тягостно вздохнув, пояснила Вертянина.

– Я тоже хотел бы вот о чем спросить. – Лев потер ладонью лоб. – Андрей Степанович дома в свободное время занимался своими какими-то заводскими делами? Может быть, после него остались дневники, черновики, наброски, телефоны, адреса, визитки?

– Занимался, и очень часто... – кивнула Вертянина. – В его кабинете до сих пор все лежит именно так, как и осталось в тот день, когда нам сообщили о том, что его нет. Я не включала его компьютер, не убирала бумаг. Лишь иногда протираю пыль. Я надеюсь, что очень скоро он вернется и сам распорядится своими черновиками, там, записями... Вы хотели бы с ними ознакомиться?

– Разумеется! – Гуров чуть пожал плечами. – Мы не могли бы прямо сейчас поехать к вам, чтобы вы показали мне кабинет Андрея Степановича?

– Пожалуйста, пожалуйста – как вам будет удобнее! – женщина поднялась с кресла. – Сейчас – значит, сейчас. Можете работать там, сколько вам будет необходимо. Даже в мое отсутствие. Хотите, могу дать вам ключ...

– Ну, это уже немного лишнее... – тоже поднявшись, Лев улыбнулся. – В крайнем случае что-то могу переснять на цифровую камеру, а что-то вы, наверное, позволите взять с собой.

– Конечно, конечно! – закивала Вертянина.

– Только сразу скажу, что мы – не чудотворцы. – Лев развел руками. – Будьте готовы и к тому, что наши поиски окажутся безрезультатными. Вы меня понимаете?

– Да, все я понимаю... – гостья сокрушенно вздохнула. – Но радует меня уже то, что я встретила нормальных, здоровых людей, готовых выслушать и помочь. Вы даже не представляете, какая гора упала с плеч. Знаете, очень неуютно себя чувствуешь, когда собеседник смотрит на тебя как на назойливую муху, к тому же с серьезным помрачением рассудка. Спасибо уж за то, что отнеслись по-человечески. Ну что, отправляемся к нам? Я сейчас вызову такси.

Она достала сотовый телефон, однако Гуров остановил.

– Я предпочитаю ездить на своей машине, – сказал он, доставая из кармана ключи. – Прошу!

– Кстати, Лева, – Стас упреждающе вскинул руку, – я, наверное, прямо сейчас поеду на этот самый «Полюс-Вектор» и тоже посмотрю – вдруг остались какие-то бумаги? Заодно потолкую с тогдашним именинником. Да и с другими участниками банкета. Вы не припомните, он в каком ресторане проходил?

– Как мне сказали, в ресторане «Эльф и тролль», – немного подумав, сообщила Вертянина. – Да, у него такое вот немного странное название. Последние годы после романов Джона Толкиена многие как с ума посходили. Слышала, уже и национальность себе стали брать сказочную: кто хоббитом себя называет, кто – гоблином... Ну и рестораторы, видимо, тоже решили не отстать от моды.

– Ну, ребята, давайте, поднажмите! – глядя вслед своей гостье и операм, напутствовал Орлов. – Очень на вас надеюсь.

Выходя последним, Крячко не мог удержаться от того, чтобы в духе своей всегдашней хохмистики не изобразить за спиной Вертяниной шутовской реверанс, адресованный хозяину кабинета. «Ну, спасибо, отец родной! – весьма красноречиво говорил его взгляд. – Уж удружил так удружил – век не забуду!..»

Глава 2

...Притормозив в благоустроенном (пусть и не элитном, но достаточно престижном) микрорайоне, Лев Гуров вышел из своего серого «Пежо» у двенадцатиэтажного дома-каре, окруженного уже достаточно высоко поднявшимися березками, каштанами и елями. Они с Надеждой Романовной поднялись на шестой этаж, где, проследовав в безмолвную квартиру, Лев вошел вслед за ее хозяйкой в небольшой кабинет с обширной библиотекой и столом у окна, заваленным грудami бумаг.

– Вот, – Надежда Романовна гостеприимно повела рукой, – смотрите все, что считаете нужным. Все, что необходимо, берите, изучайте... Мне ничего не жаль, лишь бы удалось найти Андрея. Ну, не буду вам мешать... Кстати, может быть, кофе? Или даже подкрепиться, если уже проголодались?

Вежливо уведолив радушную хозяйку о том, что он только недавно позавтракал, Гуров подошел к столу и, окинув его взглядом, первым делом взял ежедневник, который оказался исписанным меньше чем на четверть. Открыв последние записи и с трудом разбирая вовсе не каллиграфический почерк, он прочел записи на странице, датированной двадцать седьмым марта текущего года.

«Не забыть про банкет в «Эльфе и тролле» – начало в 11 часов» – гласила первая из записей. «Уточнить у Харитоновна, подготовил ли он расчеты – обещал отзвониться ближе к трем». «Вечером обдумать возможные варианты волноводов для «Сфинкса». На этом записи обрывались.

Записи предыдущего дня – понедельника, также ничем особенным не отличались: «На планерке поставить вопрос о приобретении новой центрифуги и неодимового лазера», «Гранкову поручить доработку блока РЭУ», «Выяснить, почему до сих пор не поступили заказанные ранее кварцевые стабилизаторы частоты» и т. д. и т. п.

Изучив записи за последние пару недель и не найдя ничего существенного, что могло бы натолкнуть на какие-то странности, необычности, на что-то неординарное, что могло бы подсказать направление поиска, Лев начал пролистывать груды бумаг, среди которых в хаотическом порядке лежали вперемешку какие-то математические расчеты из высшей математики, совершенно непонятные диаграммы и графики не поймешь чего... Тут же обнаружилась – и тоже хаотически сложенная – груда листов с какими-то рисунками-чертежами. Обозначения и аббревиатуры на полях и на самих рисунках, на схемах непонятных устройств – то ли лазеров, то ли каких-то фазовых усилителей – также смотрелись некой научной каббалистикой и абракадаброй.

На одном лишь листе ватмана Гуров смог разобрать в замысловатых линиях набросок чертежа чего-то наподобие «летающей тарелки». Тут же сбоку пестрела обилием цифр россыпь расчетов, подчеркнутая снизу, и примечание: «Грузоподъемность – 800 тонн?!!»

«Хм... – мысленно отметил Лев. – А мужик-то был – о-го-го! Разносторонний. Да-а-а... Если верить тому, что он и в самом деле был настоящим самородком, то ради того, чтобы раздобыть себе такого спеца, можно было пойти на многое. В том числе и на грандиозный спектакль с мнимым несчастным случаем...»

В ящике стола среди обилия визиток на себя обратила внимание отпечатанная золотым тиснением на дорогой, лоснящейся бумаге. Латинский шрифт уведомлял, что ее владелица – Бьерн Эндвердсон, профессор Стокгольмского института физики плазмы. Тут же имелись номера телефонов и адрес электронной почты. Еще одна визитка – на имя некоего Шандора Матефи, сотрудника Европейского центра космической робототехники, базирующегося в Париже. Третья визитка, привлекающая к себе внимание, частично заполненная иероглифами, частично – латиницей, принадлежала профессору Токийского университета Таканаро Киано.

Несколько записных книжек Вертянина, исписанных, скорее всего, на ходу или во время езды, прочесть вообще оказалось невозможным. Насколько Гуров смог уловить общий смысл записей, это были, так сказать, «случайные мысли и идеи».

Нашлось и нечто наподобие аperiодичного, личного дневника. Что называется, «ломающая глаза» о стенографичные закорючки почерка, Лев прочел последнюю запись, сделанную двадцатого марта: «Мир сошел с ума! Два часа вдалбливал этому барану «Я» суть своей задумки, но он, похоже, так ничего и не понял. Уперся, как в новые ворота: у нас нет лишних финансов для реализации изобретательского бреда». Боже мой! Кто поставил такого тупицу на этот пост?! Ни ума, ни фантазии, только одно на уме: кабы чего не вышло; изобретайте, но только подешевле и попроще; чтобы еще оптимизировать! Ну и занимался бы штамповкой тазов и ведер – проще и не придумаешь...»

Восемнадцатого марта Вертянин записал: «Сегодня «Ф» пригласил на свое, так сказать, «тезоименитство». Как же не хочется туда идти! А придется – мне через него пробивать новое оборудование для испытательного стенда. Ладно уж, хрен с ним. На что только не пойдешь ради своего отдела? Только то и греет душу, что там будет «И». А остальные могли бы вообще не приходиться...»

Войти в компьютер не удалось – для этого требовалось знание пароля. Выйдя к хозяйке, которая хлопотала на кухне – как понял Гуров, она решила-таки явить гостеприимность и собралась накрыть стол, – он поинтересовался, не знает ли пароль компьютера. В ответ Надежда Романовна лишь развела руками. Попросив разрешения вызвать к ней на дом одного из «хакеров» управления, Лев заодно попросил прокомментировать инициалы, найденные им в дневниковых записях.

– Ну, тут ничего загадочного... – задумчиво глядя в пространство, ответила Вертянина. – «Эф» – это Фальник Петр Анатольевич, зам генерального директора. Человек, в общем-то, нормальный. Правда, как мне кажется, уж очень начальствобоязненный. Андрей с ним так-то не дружил, но они были неплохие товарищи по работе. «Я» – генеральный директор Ямщицкий Вячеслав Фомич. А вот «И» – это...

Замолчав, хозяйка квартиры тягостно вздохнула и после недолгого молчания продолжила:

– Это некая Ирина Суконцева, замглавбуха, тамошняя красотка и сердцеедка. Она давно на Андрея глаз положила. Так-то он не «ходок». Но... Вы же сами понимаете, что вода по капле и камень точит... Тем более если мужчина уже вошел в общеизвестный кризис тех, кому за сорок – еще и годы не преклонные, еще и сил невпроворот, а уже кажется, что и молодость уходит безвозвратно, и от жизни еще не все взял. А тут – молодая, с фотомодельной внешностью, сама на шею кидается... Устоять ли тут? Я его не пилила, не контролировала, не выясняла – где был, с кем... Заранее все простила, даже если у него с ней что-то и произошло.

– Дети у вас есть? – поинтересовался Лев.

– Да, два сына и дочь. Старший женат, живет и работает в Питере. Дочка замужем за моряком, уехала с ним во Владивосток. Самый младший пока еще в школе. Но уже сейчас видно – весь в папу. Вот сейчас поехал на весь август в гости под Подольск к моим родителям, строит им какую-то невероятную баню собственной конструкции. Старшие, конечно, тоже молодцы. Но этот – в любом деле мыслит по-особому...

– Вот и верь теории «отдыха природы на детях гениев»... – иронично усмехнулся Гуров и, выйдя в прихожую, вызвал капитана Жаворонкова – одного из лучших компьютерных спецов главка.

Тут же набрав номер Стаса и выяснив в двух словах, как у него дела, вкратце рассказал ему о Суконцевой, заодно предупредив:

– Не вздумай за ней приударить – уши оборву. Понял? Она запросто может оказаться подозреваемой. Уловил?

– Лева, кончай нудить! – возмутился Крячко. – Не первый год замужем...

Вернувшись на кухню, Лев продолжил свои расспросы. Бьерна Эндвердсона Надежда Романовна лично не видела ни разу, но припомнила, что тот год назад усиленно приглашал Вертянина на постоянное место жительства в Швецию. Сам Эндвердсон представлял не только свой институт, но и военную корпорацию, занимающуюся разработкой пучкового и плазменного оружия. Вот Шандора Матефи и Таканаро Киано знала относительно неплохо.

– ...Шандор был у нас дома раза два. Человек, на мой взгляд, приличный и открытый. Во всяком случае двойного дна в нем не почувствовала. Таканаро тоже у нас как-то был, и тоже ничего плохого сказать не могу. Очень вежливый, предупредительный. Кстати, отчаянный русофил. Да, представьте себе. Женат на русской, посещает в Токио храм Николая Чудотворца, или, как его там именуют, Николая-до. Его любимая песня – «Полюшко-поле» в исполнении хора имени Александрова, любимое блюдо – щи со сметаной.

Вскоре раздался звонок во входную дверь. Это прибыл капитан Жаворонков – интеллигентный, крепкий парень с пальцами виолончелиста. Пробежавшись по клавиатуре, капитан всего за пару минут взломал пароль и открыл несколько главных папок. В основном это были справочные материалы – по физике твердого тела, по газовой динамике, по материаловедению и тому подобное.

Отдельно хранились материалы по зарубежной военной технике «хайтековского» формата – лазерные установки военного назначения, устройства акустического воздействия на живую силу противника, психотронная аппаратура. Тут же в одной из папок хранилась огромная электронная библиотека. В папке, названной весьма оригинально «Перлы и хлам», оказалась целая фильмотека. Помимо классики, наподобие «Небесного тихохода» и «Белого солнца пустыни», обнаружилась многопрославленная эротоманская «Эммануэль» и «Бесстыдницы» Джозеффа МакТенниша, а также масса фантастики самого разного направления – от советского мультлика «Тайна третьей планеты» до «Чужих» Джеймса Камерона.

– Однако у товарища был широкий круг вкусов и интересов! – пробежав взглядом по ярлычкам с названиями фильмов, рассмеялся Жаворонков.

– Хм... – Лев пожал плечами. – Он же – творческий человек, разносторонняя натура. Бог его знает, как те или иные фильмы влияли на работу его конструкторской мысли? Вот фильм «Чужие». Там, по-моему, из большой зубастой инопланетного зверя пасти вылезает еще одна. Да? Вон, смотри, конструкция нарисована – электромагнитный захват для эвакуации спутников с орбиты. Видишь? Вначале выдвигается длинный шток с электромагнитом на конце, который фиксирует спутник. А потом наезжают мощные механические захваты, которые производят окончательную фиксацию. Сходство с «Чужим» очевидное.

– Хм... Точно! – одобрил капитан. – А «Эммануэль» какие идеи ему подсказывала? – он хитро ухмыльнулся.

– Валера! А ты этот фильм не смотрел? – Гуров испытующе взглянул на своего помощника.

– Гм... – тот отчего-то закашлялся и конфузливо кивнул. – Было дело... Еще пацаном бегал смотреть по видуку.

– Ну, вот видишь? Сам же подтвердил, что одаренным людям ничто человеческое не чуждо... – Лев рассмеялся.

– Дорогие гости, прошу отобедать! – неожиданно послышался голос Надежды Романовны. – Отказы не принимаются!

Сразу же после весьма небедного обеда Жаворонков откланялся, а Гуров проверил оставшиеся папки в компьютере. Большим подспорьем для него стала сохраненная в отдельных электронных файлах переписка. Ее Лев целиком сбросил на захваченную с собой флешку. Проверив почту за последние несколько месяцев, он обнаружил как громадные накопления спама, так и множество всевозможных информационных рассылок по части приглашения на

всевозможные семинары и коллоквиумы. В том числе организованные где-то в дальнем зарубежье.

Найдя мартовский сегмент почты, Лев с досадой был вынужден отметить, что из прежних сохранились письма – и то не все – только за двадцать пятое и двадцать шестое марта. Среди спама и приглашений на симпозиум в Италии Гуров заметил письмо, написанное по-английски. За последние годы, успев достаточно хорошо попрактиковаться в английской разговорной речи, он без особого труда прочел следующее:

«Многоуважаемый мистер Вертянин! К огромному сожалению, на наше предыдущее письмо Вы не прислали ответа, возможно, по той причине, что Вами оно получено не было. Поэтому мы взяли на себя смелость обратиться к Вам еще раз. Нам хорошо знакомы Ваши разработки, которые, несомненно, являются настоящими шедеврами технической мысли. Но нам также известно и то, сколь труден путь Ваших технических идей к их материальному воплощению и тем более к их запуску в серийное производство.

Нам понятны душевные раны гениального мастера, чье детище не желают признать люди посредственные, которые не имеют никакого морального права руководить великими техническими дарованиями. Известно нам и то, сколь мизерную зарплату назначили Вам на Вашем предприятии. Поверьте, Вы достойны гораздо большего. Что такое тысяча-полторы долларов для человека, чей талант не имеет цены? Наша компания, имеющая сугубо мирный производственный профиль, была бы рада видеть Вас во главе нашего творческого коллектива молодых конструкторов и изобретателей.

Первоначальная зарплата, каковую мы бы рискнули Вам предложить, – сто тысяч долларов в месяц. В дальнейшем предполагается ее рост до трехсот и выше тысяч. Поверьте на слово, Вы с первых же шагов могли бы оценить преимущества работы здесь, у нас. Внедрение Ваших технических идей могло бы занимать от пары месяцев до полугода, а не до пяти-десяти лет, с чем Вы постоянно сталкиваетесь в России.

Господин Вертянин! Мы очень просили бы Вас всесторонне обдумать наше предложение и принять взвешенное, выгодное для Вас решение. Поверьте – от него выиграет все человечество, так же как оно выиграло благодаря великим изобретениям Эдисона, Белла, других великих умов. Очень надеемся получить Ваш ответ. С уважением и надеждой на Ваш положительный отклик – президент компании «Антарес» Оливер Смоутли».

Открыв в почте папку «Черновики», к счастью не очищенную от ответов на письма, Гуров нашел ответ Вертянина.

«Многоуважаемый мистер Смоутли! Я весьма признателен Вам за сделанное мне предложение, но, прошу меня простить, принять его не могу. Как человек русский – и по происхождению, и по своему духу, я не мыслю жизни в другой стране. Единственное место, где я могу жить, творить, чувствовать себя дома, – это Россия. Еще раз прошу простить. Андрей Вертянин».

Прочитав письмо Вертянина, Лев издал уважительное «Хммм!» и распечатал принтером все обнаруженные им письма и данные на них ответы. Покончив со своими изысканиями уже в третьем часу, Гуров решил вернуться в главк. Провожая его, Надежда Романовна спросила, указывая взглядом на папку с собранными им для работы документами:

– Ну, хоть что-то подходящее найти удалось?

– Разумеется! – Гуров уверенно кивнул. – Информация очень важная и интересная. Во всяком случае хоть какую-то ниточку она уже дала.

– Ну, дай бог, дай вам бог удачи!.. – со вздохом отметила женщина, украдкой перекрестив Льва, когда тот выходил за дверь.

* * *

Стас Крячко вышел из своего пусть и древнего, но безотказного и надежного «мерина» у проходной, обозначенной табличкой «ООО «Полюс-Вектор-FLI», рядом с которой въезд во двор предприятия закрывали темно-зеленые ворота с нарисованным на них каким-то замысловатым вензелем. Судя по всему, он представлял собой эмблему «шарашки», как мысленно поименовал Станислав данный производственный объект.

Войдя через одну из стеклянных дверей в просторный вестибюль проходной, он подошел к окошечку с табличкой «Оформление пропусков» и, показав девушке служебную «ксиву», поинтересовался своими возможностями уличезреть представителей руководства предприятия. Та, растерянно захлопав глазами при виде плотно сбитого, атлетически сложенного гражданина в потертой (зато – натуральной!) кожаной ветровке, начала спешно звонить по телефону.

– Минут пять подождите! – закончив свои телефонные переговоры, попросила она. – Сейчас подойдет Павел Алексеевич Коротков, начальник охраны, и проводит вас в административный корпус.

Немного похажив по пустынно-гулкому вестибюлю, Стас увидел длинного, не хилого молодого мужчину в камуфляже, который вышел к нему и, заглянув в удостоверение, лаконичным жестом руки пригласил следовать за собой.

– Я могу спросить, по какому вы к нам вопросу? – обернулся он к гостю, когда они вышли в типично заводской двор, с грудями каких-то алюминиевых болванок, арматурного прута и толстой «катанки», какого-то серовато-фиолетового камня и не совсем обычной зеленоватой глины.

– По вопросу гибели в ДТП вашего сотрудника Андрея Вертянина, – озирая территорию предприятия, сдержанно ответил Крячко.

– Вертянина?! – Судя по недоуменной мине, отразившейся на лице Короткова, можно было понять, что тот искренне силится уразуметь причины, подвигшие главк заняться очевидным, к тому же давно закрытым делом. – Ничего себе! Так он еще когда погиб-то?! По-моему, зимой. И что ж только теперь им заинтересовались?

– На все есть свои причины, – Станислав многозначительно усмехнулся. – Появились достаточно обоснованные подозрения в том, что он погиб не без посторонней помощи. Кстати, а где были вы двадцать седьмого марта?

– Э-э... – начальник охраны на какой-то миг растерялся и моментально посуровел лицом. – Ну-у... Сейчас уже трудно припомнить... Вообще-то я был на работе. А вы подозреваете, что это я мог что-то такое сделать, из-за чего...

– Полноте! – иронично перебил его Крячко. – Почему сразу надо так нервничать и воспринимать обычный, дежурный вопрос как некое обвинение? Допустим, вы могли видеть, как кто-то подходил к машине Вертянина и совершал какие-то подозрительные манипуляции. Свою машину он обычно ставил где?

– У проходной. Там, как вы, возможно, заметили, есть специальная огороженная парковка. Ее постоянно не охраняют, но за машинами присматривают... – с некоторым облегчением пояснил Коротков.

– То есть реально никто за машинами не следит и что-то подмастрячить, например испортить тормоза, – вполне реально? Я правильно рассуждаю? – Стас искоса взглянул на начальника охраны.

– В общем-то, да... – сокрушенно вздохнул тот. – Но, простите, тут я тоже ничего не могу поделать. Наша задача – охрана территории, материальных ценностей и тому подобное. А за

личный транспорт сотрудников мы ответственности не несем. Это уже вне нашей компетенции. В конце концов, нет угонов – уже замечательно.

– Да, это тоже верно... – великодушно согласился Крячко.

Они подошли к трехэтажке из силикатного кирпича, со всевозможными геометрическими орнаментами, выложенными из красного, и бессмертным лозунгом, выложенным по верхнему краю парапета кровли: «Пятилетку – за три года!» Войдя в просторный холл, Коротков пояснил, что на первом этаже размещается бухгалтерия, экономисты и иные службы подобного рода. На втором – директор и главные специалисты. На третьем – конструкторское бюро.

– Ну, вот и отлично! Директор у себя? – жизнерадостно улыбнулся Станислав.

– Давайте зайдём в приемную, там и узнаем, – кисло вато предложил начальник охраны.

– Давайте... – вальяжно, несколько даже снисходительно, согласился Крячко.

Они поднялись по лестнице, застеленной ковровой дорожкой, на второй этаж и вошли в весьма небедно обставленную приемную с вызывающе-блондинистой секретаршей.

– Нинусь, а Вячеслав Фомич у себя? – деликатно откашлявшись, приглушенным голосом поинтересовался Коротков.

– Да, но он занят... – покосившись в его сторону одним глазом, словно обесцвеченным пергидролем голосом сообщила та, продолжая клацать клавиатурой компьютера.

– Девушка, знаете, я тоже иногда в рабочее время люблю порешать сканворды. Однако это не означает, что нужно игнорировать тех, кто приходит по чрезвычайно важным делам, – безо всякого пиетета, нахально рассматривая ее в упор, съязвил Станислав.

– Простите, а вы кто и по какому вопросу? – опешив от подобной бесцеремонности, с широко распахнутыми аршинными ресницами, та воззрилась на него как на некую, чрезвычайно странную аномалию природы.

– Главное управление уголовного розыска, оперуполномоченный по особо важным делам, полковник полиции Крячко, – показав «корочку», отчеканил Стас, внутренне наслаждаясь тем, сколь мощный эффект произвели его слова на эту снулую, скучную диву. – Я хотел бы обсудить некоторые обстоятельства случившегося с вашим бывшим главным конструктором Вертяниным.

– С Вертяниным? – На лице секретарши отразилось такое удивление, как если бы купленный ею в магазине мороженный минтай вдруг попросил погреть его за пазухой. – А-а-а... С ним же вроде бы вопросов не возникало. Э-э-э... Ну, хорошо. Я сейчас узнаю у Вячеслава Фомича...

Подняв трубку и все еще удивленно косясь в сторону странного типа, она быстро заговорила:

– Вячеслав Фомич, тут к вам из МВД, Главного управления угрозыска, полковник Крючко...

– Крячко!.. – строго поправил Стас.

– Да, да, простите – Крячко, – торопливо поправилась блондинка, – по вопросу о том случае с Вертяниным... Да, Вячеслав Фомич, – именно с Вертяниным. Хорошо, Вячеслав Фомич... Можете зайти, – положив трубку, известила она, проводив необычного гостя настоженно-внимательным взглядом.

Войдя в кабинет, размером с три таких, как у Орлова, обставленный антиквариатом и мебельным эксклюзивом, Стас увидел в его глубине за большим столом не очень крупного, зато усатого гражданина за пятьдесят, который, откинувшись в кресле, выжидающе глядел на нежданного гостя. Поздоровавшись, Крячко присел напротив и без особых предисловий попросил рассказать о том, когда хозяин кабинета последний раз и при каких обстоятельствах видел Вертянина.

– Хм... – Ямщицкий озабоченно насупил брови и, немного подумав, неспешно заговорил: – Ну, последний раз покойного я видел в тот день, когда он погиб, – двадцать седьмого

марта. Утром он зашел ко мне и сообщил, что надо обсудить материальное обеспечение одного из проектов. Мы с ним минут пятнадцать поговорили, все вопросы утрясли, и он в заключение предупредил, что с обеда будет на юбилее моего зама Фальника в ресторане «Эльф и тролль». Я не возражал...

– А лично вы там были? – последовал очередной вопрос.

– Я? – Хозяин кабинета отчего-то несколько замешкался. – Нет, не был. Мне нездоровилось, и я решил отлежаться дома. Как раз, если помните, шла третья волна гриппа.

– А вы не скажете, Вертянин во всяких там корпоративах, днях рождения и тому подобном участвовал постоянно? Каковы были его взаимоотношения с коллективом? И вообще, что вы можете сказать о нем как о человеке?

Почесав нос и сцепив пальцы в замок, Ямщицкий заговорил, напряженно морща лоб, словно его вместо Перельмана заставили решать математическую головоломку Пуанкаре. По его словам, Вертянин человеком был вполне компанейским и жизнелюбивым. В гулянках участвовал почти всегда, но никогда не перебирал по части выпивки. В личной жизни монахом его назвать было бы трудно. При виде молодой, красивой женщины он всегда преображался на глазах. Несмотря на то что ему было сорок восемь, приударить за какой-нибудь симпатичной мордашкой мог вполне. Доходило ли до постели – Ямщицкий уверенно сказать не мог, хотя слухи ходили самые разные.

В коллективе Вертянина в целом уважали, хотя были те, кто его недолюбливал. За что? А бог его знает... Всех нас кто-то за что-то недолюбливает... Впрочем, были и такие, кто его, можно сказать, обожал. Особенно женщины.

– ...Что и говорить – гусар был еще тот, – особо отметил хозяин кабинета. – Он же, кстати, ваш бывший коллега. Да! Еще в восьмидесятых, после службы во внутренних войсках, закончил школу милиции. Получил звание. Но почему-то почти сразу же заочно поступил в технический университет. Такой вот занятный жизненный зигзаг. Незадолго до окончания университета что-то у него случилось на службе, и он из милиции ушел. Что именно – я не знаю. Но он всегда себе цену знал и ни перед кем не гнулся. Он и когда к нам пришел – держал себя высоко. Талант! Считай, года через три после получения диплома стал начальником конструкторского бюро. Голова, конечно, у него была светлая. Очень жаль, что с ним так все получилось. Кстати, а в связи с чем у полиции возникли вопросы по поводу Вертянина?

– Появились данные, которые заставили усомниться в версии, объясняющей его смерть как несчастный случай. Вы не в курсе, кто мог быть заинтересован в его гибели? – Станислав выжидающе прищурился.

Судя по недоуменной mine, появившейся на лице Ямщицкого, услышанное того весьма озадачило. Хмурясь и вздыхая, он пожал плечами и pokrutil головой.

– Затрудняюсь сказать, – наконец проронил он. – Ну, кто? Конечно, что приходит на ум самое первое – наши конкуренты, дай им бог вечного здоровья и процветания. А-а! Еще, может быть, одни тут отморозки решили свести с ним счеты?.. В общем, тридцатого декабря мы отмечали здесь у себя встречу Нового года. Часов в одиннадцать Вертянину позвонила жена, и он засобирался домой. Вызвал такси, вышел на улицу. И тут видит – двое каких-то южан насильно заталкивают девушку в свою машину. Он вступился, врезал им хорошо, да еще и сдал в полицию. Все были уверены, что их посадят. Но тут поднялась местная диаспора. Дело дошло до самого верха, и там решили, что подлежат эти двое ответственности только за мелкое хулиганство. Отделались джигиты штрафом, но зло, как видно, затаили. Стали его подкарауливать еще с двумя остолопами. Ну он мужик был крепкий, сильный и всех четверых «отделал под орех». Заодно предупредил, что в третий раз живыми их уже не отпустит. Ну, они вроде притихли. Хотя... Очень сильно в этом сомневаюсь.

– Интересная информация, – удовлетворенно кивнул Крячко. – Спасибо!

– Только очень вас прошу – обо мне нигде ни слова, – Ямщицкий конфузливо вздохнул. – Знаете, с учетом обстоятельств не хотелось бы стать объектом мести этих южан.

– Понимаю вас... – Стас усмехнулся. – Будьте спокойны – конфиденциальность сохраним. Кстати, о конкурентах. А конкуренты у вас кто?

– Предприятие сходного профиля «Пламя-Дельта». К ним ушло около десятка заказов, которые до этого были только нашими.

Обговорив со своим собеседником еще кое-какие детали и нюансы, Крячко отправился на randevу с Фальником, который располагался в кабинете напротив. Тот оказался рослым толстяком, благодушным и жизнерадостным. Чувствовалось, что любит он и покутить, и «полевачить» от своей «половины». Узнав о причинах появления в их конторе представителя угрозиска, охотно согласился рассказать о событиях двадцать седьмого марта.

– ... Компания в кабаке собралась не очень большая – человек двадцать пять, но погудели мы тогда здорово, – без конца приглаживая волосы, повествовал он хрипловатым тенором. – Кстати, Андрей хоть и выпил изрядно, но все равно был самый трезвый.

По словам Фальника, гулянка выдалась традиционная – с обильными возлияниями, добровольно-принудительным обжорством, застольными песнями, плясками под баян и ресторанный оркестр, с брудершафтами и интимными уединениями стихийно образовавшихся парочек по тихим ресторанным закоулкам. Часа три покутив вместе со всеми и при этом ухитрившись не перебрать, Вертянин извинился и засобирился по каким-то срочным делам. Его убеждали оставить машину и вызвать такси, но он слушать никого не пожелал.

– Он уехал один или с кем-то еще? – спросил Крячко, усевшись поудобнее и положив ногу на ногу.

– Вот этого я не заметил – честно скажу... – Фальник огорченно развел руками. – Да и как там было уследить, если все без конца мотались взад-вперед? Кто-то еще пьет, кто-то уже пляшет, кто-то по углам обжимается... Полный бедлам. Нет, было весело – это бесспорно. И если бы не эта беда, что приключилась с Андреем, я бы считал тот банкет своим лучшим днем рождения.

Задав собеседнику еще несколько вопросов, Стас попросил его составить подробный список гостей на банкете. Когда тот, почесывая то кончик носа, то ухо, начал выводить на бумаге фамилии гостей, у Крячко зазвонил телефон. Переговорив со Львом, Станислав дождался, когда Фальник закончит свою работу, после чего, пробежав глазами список, поинтересовался:

– А Ирины Суконцевой на вашем юбилее не было?

– О! Вот про кого я забыл! – обрадовался тот. – Как же я ее пропустил-то?

Снова взяв свой реестр, он вписал в него и зама главбуха.

– А она где была в тот момент, когда Вертянин уходил из ресторана? – снова забирая список, уточнил Крячко.

– Черт!.. – Фальник снова глубоко задумался. – А знаете... По-моему, она исчезла перед самым его уходом. Поэтому никак нельзя исключать того, что уехала она вместе с ним. Но... Останки-то были обнаружены только одного человека мужского пола, поэтому... Вопрос остается открытым. Впрочем, об этом можно спросить ее саму. Давайте вызову, и...

– Нет, нет! – остановил его Станислав. – Зачем напрягать человека?

Уточнив еще кое-какие детали, он отправился на первый этаж. Войдя в коридор, на двери которого значилось «Бухгалтерия», он миновал несколько других дверей с табличками, пока не увидел ту, которую и искал, – «Зам. гл. бух. И.М. Суконцева». Постучав в дверь и услышав: «Войдите!», он заглянул в кабинет и увидел рослую девицу под тридцать, с очень даже богатыми формами и весьма привлекательным «фейсом».

– Вы по какому вопросу? – недоуменно выпятив пухлые губы, поинтересовалась хозяйка кабинета.

– Ирина... – Крячко сделал выжидающую паузу.

– Матвеевна! – с некоторой манерностью ответила та.

– Замечательно! – Стас изобразил обаятельнейшую улыбку и, войдя без приглашения, не спеша опустился в кресло. – Ирина Матвеевна, я из Главного управления угрозыска по вопросу о гибели Андрея Вертянина. Вы его хорошо знали?

– А-а-а... Гм-гм... – по реакции было видно, что этот вопрос застал ее врасплох. – Ну-у... Знала. В общем-то, как и других работников нашего предприятия. А... Почему вы об этом спрашиваете?

– У нас появились сомнения в том, что гибель Вертянина была несчастным случаем. – Крячко снова лучезарно улыбнулся.

– Хм-м... А почему вы пришли именно ко мне? Или допрашиваете всех подряд? – наконец совладав со своими эмоциями, Суконцева перешла на суховатый, «деловой» тон общения. – Ну... Хорошо, я готова ответить на ваши вопросы. Однако прошу учесть, что времени у меня мало. Слушаю!

– Что ж... Извините, ходить вокруг да около мне тоже некогда... – Станислав развел руками. – Поэтому вопрос прямой и однозначный: какие у вас с Вертяниным были отношения?

Испепеляюще взглянув на своего визитера, хозяйка кабинета несколько поколебалась, после чего все же решила признаться.

– Я так понимаю, сплетен вам уже нарасказывали более чем достаточно? – Она изобразила пренебрежительную гримаску. – Поэтому, если бы я и сказала «нет», вы бы мне все равно не поверили. Да, у нас с ним одно время были кое-какие отношения, хотя вовсе и не те, о чем вам, возможно, уже наплели.

– То есть чисто платонические... – с утвердительной иронией кивнул Крячко.

– А вам подробности очень важны? – выделив слово «очень», язвительно уточнила Ирина.

– В известной мере – да, поскольку меня интересует последний день его жизни – двадцать седьмое марта этого года. – Стас изобразил мефистофельскую улыбочку. – Ирина Матвеевна, спрашиваю сугубо официально: Вертянин из ресторана «Эльф и тролль» уехал один или с кем-то еще? Прошу не спешить с ответом. Помните, что, если потом вдруг откроется, что вы дали не совсем объективную информацию, это может иметь не совсем позитивные последствия.

Суконцева, несколько помрачнев, некоторое время о чем-то думала, после чего заговорила уже без намека на хоть какой-то апломб:

– Да, в тот вечер у нас намечалось свидание у меня дома. Когда Андрей собрался уходить, он подал мне условный знак, и я, чтобы не привлекать к себе внимания, вышла из ресторана первой. Потом вышел он, мы сели в его машину и поехали ко мне домой. Но когда мы уже подъезжали к дому, ему кто-то позвонил. Он посмотрел на монитор и, как мне показалось, очень удивился – видимо, номер высветился незнакомый. Что и кто ему говорил – я не знаю. Помню лишь, что он сердито нахмурился и сказал что-то наподобие: а вы о чем раньше думали? Потом подумал и сказал, что сейчас подъедет.

– А вы его ни о чем не спросили? – прищурился Станислав, отчего-то вдруг поняв, что здесь его собеседница основательно привирает.

– Н-нет... – помотала та головой. – Я слишком хорошо знала его характер. Он не любил, когда кто-то лез в его дела. Конечно, спросила, каковы его дальнейшие планы. Ну, он сказал, что постарается через часок обязательно ко мне заехать. Только я почему-то уже тогда чувствовала, что он не заедет.

– А когда вы узнали о том, что с ним случилось?

– На следующий день, придя на работу. Вошла в вестибюль, увидела портрет Андрея в траурной рамке, и ноги подкосились... – Суконцева грустно улыбнулась. – Вот, собственно, и все, что я могла бы вам сказать.

Выйдя от Ирины, Крячко зашел еще в несколько кабинетов, к другим участникам тех ресторанных посиделок. Главный экономист – сухой и скучный, как корень квадратный из четырех, ничего интересного сообщить не смог. Главный технолог в самом начале разговора заявил о том, что «надрался», едва очутившись за столом, и поэтому вообще ничего не помнит.

Напоследок Станислав решил заглянуть в бывшую вертянинскую «епархию» – конструкторское бюро. Войдя в обычную заводскую «кабэшку», в которой, помимо старомодных кулманов, появились и компьютерные мониторы, он некоторое время понаблюдал за работой разношерстной команды творцов технических идей обоего пола, среди которых были и совсем еще «зеленые» – видимо, вчерашние студенты, и даже люди пенсионного возраста.

Спросив у одного из сотрудников – средних лет меланхолика с лицом заядлого великомученика иконописного формата, как ему найти здешнего начальника, и услышав, что Василий Данилович изволят находиться у себя, направился к двери, расположенной в конце помещения. Работники КБ, заметив присутствие постороннего, с интересом отслеживали его передвижение, выясняя друг у друга – кто бы это мог быть?

Коротко, для проформы, пару раз стукнув в дверь, Крячко зашел в кабинет начальника КБ, как это значилось на двери. Для того, как видно, появление постороннего оказалось полной неожиданностью. Особенно с учетом того, что хозяин кабинета в этот момент принимал какое-то (скорее всего!) лекарство, правда, отчего-то подозрительно пахнущее коньяком. Увидев в двери незнакомца, тот нервно дернулся и, поперхнувшись «лекарством», громко закашлялся.

– Закусывайте, закусывайте! – приятельски предложил Стас с едва уловимой в голосе едкой иронией. – Извините за вторжение, Василий Данилович, – работа! Я оперуполномоченный главка угрозыска по особо важным делам. Хотел бы задать вам несколько вопросов.

Едва прокашлявшись, начальник КБ закашлялся вновь, услышав о том, кто к нему пожаловал.

– Простите, чем обязан? – наконец-то собравшись и мобилизовавшись, спросил до крайности заинтригованный и взволнованный «Эдисон».

Вопрос, знал ли он покойного Вертянина, главного конструктора Брылькина мгновенно привел в отличное расположение духа. Облегченно вздохнув, он расслабленно откинулся в кресле и, расплывшись в умиротворенной улыбке, отрицательно pokrutil головой:

– Нет, не знал. Я же пришел сюда недели через полторы после его смерти, а до этого вообще работал в Питере... Так что ничего сказать вам не могу.

– Хорошо... – без приглашения усевшись на один из стульев, Станислав заговорил уже совершенно серьезно. – Я хотел бы поговорить с людьми, кто его хорошо знал. Вы не против?

– Конечно, конечно! – немедленно согласился Брылькин.

Собственно говоря, поднявшись в КБ, на слишком многое Крячко и не рассчитывал. Но как говорится – мало ли чего? Сотрудники конструкторского бюро, которых насчитывалось немногим более десятка человек, заходили в кабинет своего начальника по одному и рассказывали гостю о том, когда и при каких обстоятельствах они видели своего бывшего начальника в живых последний раз. Абсолютно стандартную и ординарную ткань повествований разбавило лишь воспоминание одного из представителей пенсионного возраста, который припомнил, как за несколько дней до происшествия с Вертяниным подле его «Форда» на стоянке крутился какой-то подозрительный тип. Правда, о его внешности он смог рассказать немного – среднего роста, среднего телосложения, никаких характерных примет.

Глава 3

К пятнадцати часам Гуров и Крячко прибыли в кабинет Орлова с предварительным докладом о проделанной работе. Выслушав оперов, тот сокрушенно констатировал:

– Считай, ничего реального... Знаете, я уж и сам подумал: может, и зря взвалил на вас этот хомут? Может, и зря мы влезли в это дело?

Лев чуть пожал плечами и сдержанно отметил:

– Как сказать... У меня по поводу реальности факта гибели Вертянина сомнений пока не слишком много. А вот по части того, что погиб он не без помощи со стороны, сомнений уже почти не осталось. Во-первых, как явствует из информации Стаса, в тот день Вертянин не был сильно пьян. Во-вторых, даже «под градусом» он ездил всегда достаточно осторожно. Это не его стиль – мчаться под сто восемьдесят – двести в час, рискуя остаться без головы. Тут действительно очень многое не вяжется.

– Не знаю почему, но я отчего-то почувствовал, что дело это – и впрямь реальное, – неожиданно объявил Станислав, горделиво скрестив руки на груди. – Особенно после разговора с Суконцевой. Что-то в ее словах мне не понравилось, в чем-то она мутит... И здорово мутит!

Лев и Петр молча переглянулись, как если бы у Станислава на их глазах вдруг появился нимб и отросли лебединые крылья.

– Ты это серьезно? – с некоторой долей сомнения, осторожно уточнил Орлов.

– А ты знаешь, почему он так начал думать? – рассмеялся Гуров.

– Небось красотка из бухгалтерии приглянулась, и он решил попытаться с ней счастья? – слегка съязвил Петр.

– Нет, у него теперь есть особый талисман, который помогает в раскрытии уголовных дел, – с утрированной торжественностью уведомил Лев.

– Да ну-у?! – Орлов с интересом воззрился на Стаса. – Ну-ка, ну-ка! Расскажи, это интересно.

Пожав плечами, Крячко в общих словах рассказал об утренней встрече с жительницей Алтая.

– ...Подарок лежал у меня в бардачке, а когда я уже подъезжал к их стоянке, сам не знаю почему, но его вдруг захотелось взять с собой. Вот захотелось, и – все тут! Ну, я его и положил в карман пиджака. Кстати, начальник их охраны тоже какой-то излишне дерганый. Тоже появилось ощущение какой-то мути. Что-то он недоговаривает, хотя сказать ему, кажется, есть еще что.

Петр выразительно пожал плечами.

– Чудеса в решете! – лаконично констатировал он. – Ну, что ж... Если эти всякие ваши амулеты позволят раскрыть дело, то... Я только – «за»! Хоть серо-буро-малиновую магию используйте, но чтобы результат был. Кстати, официально, для министерства, вы ищите доказательства лишь того, что смерть Вертянина не была случайностью. Не говорить же им о том, что мы поверили в похищение изобретателя с подменой его другим человеком! Кто узнает – засмеют.

Вернувшись к себе, опера наметили план действий на следующий день. Стас брал на себя изучение биографии и личных связей Ирины Суконцевой и начальника охраны «Полус-Вектора». Гуров же решил встретиться с темпераментными джигитами и проверить их алиби, а также посетить «Пламя-Дельту». Ну а пока он решил обзвонить иностранных знакомых Вертянина. Да и некоторых других, из числа соотечественников.

– Ты сейчас идешь в наш отдел связи? – зачем-то сунув руку в карман, уточнил Станислав. – На, возьми камушек – вдруг пригодится? Хотя бы по части того, что врут они тебе или нет.

Всучив Льву свой алтайский сувенир, он отправился в информотдел, чтобы затребовать данные по заинтересовавшим его людям и объектам. Ну а Гуров, повертев в руках непонятного вида и происхождения минерал, обронив непонятно кому адресованное: «А, ладно!..» – сунул его в карман и зашагал в сторону отдела связи.

В небольшом кабинете, где электронным хозяйством заведовала капитан Хворостинина, все стены и потолок были в разноцветных пучках проводов, а на столе громоздилось около десятка телефонных аппаратов. По углам высились шкафы коммутаторов и устройств кодирования и декодирования уходящих и принимаемых сигналов. Набрал по просьбе Гурова первый из номеров – первой под руку попала визитка венгра, – Хворостинина протянула ему телефонную трубку. После череды из нескольких долгих гудков в трубке что-то щелкнуло, и раздался хорошо различимый голос, как если бы говоривший находился рядом, в этой комнате, который по-английски, неспешно расставляя слова, произнес:

– Я у телефона. Здравствуйте!

Матефи о гибели Вертянина уже знал – ему рассказал об этом их общий знакомый, который еще в апреле приезжал в Париж. Тот был однокурсником погибшего, уже давно работал не по специальности, уйдя в сферу туристического бизнеса. Собственно говоря, он их с Шандором и познакомил. Окончательного мнения о причинах гибели Вертянина у Матефи так и не сложилось. Но в большей степени он склонялся к его злонамеренному устранению руками каких-то негодяев.

– ...Он слишком любил жизнь, чтобы вот так глупо ею рисковать, – однозначно заключил собеседник Гурова.

Бьерн Эндвердсон звонку из России явно был не очень рад. Вернее, совсем не рад. Стокгольмский профессор говорил отрывисто и торопливо – английскими словами сыпал, как горохом. Гуров с трудом улавливал сказанное им, но сразу же ощутил неприязненную раздражительность в голосе собеседника. Тот явно был очень недоволен его вопросами о Вертянине.

Да, о гибели господина Вертянина он наслышан. Ну и что? Он тут при чем? Переехал бы Андрэ в нормальную, цивилизованную страну и жив бы был до сих пор. И вообще, что это за мода вторгаться в личную жизнь гражданина другой страны?

– ...Но вы же с ним, насколько мне известно, были чуть ли не друзьями? – спросил Лев абсолютно невозмутимым тоном.

Похоже, эта невозмутимость стала для его шведского собеседника чем-то наподобие мулеты тореадора для разозленного быка. Эндвердсон категорично заявил, что друзьями они с Вертяниным никогда не были уже потому, что тот не умел ценить хорошего к себе отношения. Поняв, что чего-то более интересного и стоящего от расхोдившегося европейского «общечеловека» ему не добиться, чтобы поставить в этом разговоре последнюю точку, абсолютно невинным тоном Гуров поинтересовался:

– Господин Эндвердсон, у меня такое ощущение, что представители Швеции до сих пор обижены на русских за далекое прошлое, за ту горячую встречу, которую мы вам устроили под Полтавой.

Несколько мгновений в трубке царил гробовая тишина, после чего раздалось какое-то ругательство на шведском, оборвавшееся короткими гудками. Беззвучно смеясь, Хворостинина показала сразу два больших пальца, поднятых вверх, – супер!

Сделав еще несколько звонков по номерам телефонов, списанным с блокнотов, ничего дельного он разузнать не смог. Один из абонентов был явно в состоянии перепооя, поскольку едва мог ворочать языком. По двум номерам ответили женские голоса, причем их «алло» про-

звучало в столь мурлыкающем ключе, что продолжать с ними общение Лев счел опасным. По трем последним номерам вообще никто не откликнулся.

Пройдя в информотдел, Гуров в его дверях столкнулся со Стасом.

– Ну, как? – выжидающе глядя на Льва, поинтересовался тот.

– Не сказать, чтобы очень... – Гуров досадливо отмахнулся. – Хотя, судя по разговору с Эндвердсоном, что-то там нечисто. Он сразу отчего-то занервничал, задержался. Ощущение такое, что у этого профессора рыльце в пуху. Сейчас хочу попросить ребят, чтобы разыскали его подноготную. И... Возвращаю твой «детектор истины».

Он достал из кармана камень и протянул Станиславу.

– Как он тебе? – сунув в карман свой увесистый «детектор», Крячко с интересом взглянул на приятеля. – Хотя что-то почувствовал? Ну, какие-то там токи, флюиды?

– Честно? – Лев, смеясь, развел руками. – Может, я очень уж толстокожий, но... Чего-то особенного не ощущал. Хотя... Вот когда говорил с Эндвердсоном, то как будто более четко почувствовал его настроение. Да!.. – слегка приврал он, заметив, как разочарованно скис его приятель.

– Ну, вот видишь! – Стас вновь воспрянул духом и с довольной улыбкой направился в их служебный кабинет.

Войдя к информационщикам и «хакерам», Гуров поручил им к утру следующего дня найти исчерпывающие данные по профессору Эндвердсону.

– ...Свяжитесь с ГРУ, с СВР, с ФСБ – кто что сможет дать, – порекомендовал он. – Также нужно найти материалы дела о хулиганстве у проходной предприятия «Полус-Вектор-FLI», которое было совершено в ночь с тридцатого на тридцать первое декабря прошлого года.

С Таканаро Киано Лев смог созвониться только поздним вечером – негоже было среди японской ночи поднимать на ноги ни в чем не повинного токийца. А вот в двадцать три по Москве, когда в Японии уже вовсю светило солнце, звонок был вполне уместен. После нескольких долгих гудков в трубке что-то щелкнуло, и раздался хорошо различимый голос, который что-то произнес по-японски.

– Господин Таканаро Киано? – по-русски спросил Гуров и, услышав чуть удивленное «да», поздоровался: – Доброе утро!

– Здравствуйте! – хотя и с сильным акцентом, но вполне внятно ответил его собеседник.

– Вас беспокоит сотрудник московской полиции Лев Гуров, который занимается расследованием причин гибели вашего знакомого, господина Вертянина. Вы знаете о том, что с ним произошло?

– Да, я знаю об этот печальный происшествий из Интернет. Там быть рассказ наш корреспондент агентства Киодо Цусин. Я звонить госпоже Надежде, но так и не дозвониться. Если вам это не трудный, передать ей пожалуст мой соболезнований.

Пообещав выполнить его просьбу, Лев спросил своего собеседника, что тот думает о случившемся. Нет ли у него информации о том, что кто-то мог желать смерти инженеру Вертянину? Немного подумав, японец резюмировал, что талантливые люди очень часто оказываются в роли громоотвода, притягивающего к себе громовые стрелы, и поэтому он не исключает вероятности того, что гибель Вертянина могла быть следствием чьего-то злого умысла. Кстати, именно эту версию выдвинул и побывавший на месте гибели русского инженера японский журналист. Поблагодарив собеседника, Гуров положил трубку. Из всех троих теперь в его поле зрения как сыщика оставался лишь швед Бьерн Эндвердсон.

* * *

...Утром следующего дня Лев примчался на работу, как и обычно, рано. Даже не заглянув в свой кабинет, он поспешил к информационщикам. Те тоже еще только пришли на работу

и, о чем-то переговариваясь, не спеша включали компьютеры. Пронзительно пищали «бесперебойники», деловито гудели системные блоки, вспыхивали экраны мониторов.

– Ну, что там у вас, ребята? Что вчера удалось найти? – войдя в их кабинет и поздоровавшись, спросил он, окинув взглядом стены, на которых висели образцы распечатанных на принтере всевозможных карикатурных рисунков на темы офисной жизни, и не только.

– Дело о хулиганстве разыскали – прямо сейчас можем сбросить на флешку. Или лучше отправить по Сети? – откликнулся один из «хакеров». – А вот с этим шведом – чуть сложнее. Из открытых источников мы кое-что накопили. А вот из архивов спецслужб взять ничего не удалось. Нужен личный запрос начальника главка, хотя бы по почте с электронной подписью Петра Николаевича.

– Добро, запрос будет! – кивнул Гуров. – Давайте, сбросьте на флешку все, что уже есть.

Войдя в свой кабинет, он включил ноутбук и, пока электроника настраивалась на работу, набрал номер Орлова. Объяснив, какой именно запрос требуется информотделу, Лев напомнил:

– Ты вчера собирался связаться с ФСБ по поводу гибели Вертянина. Говорил с ними? Нет?

– Лева, я звонил, но моего товарища на работе не оказалось – был в отъезде. А это дело, сам понимаешь, весьма деликатное, и с кем попало его обсуждать не будешь. Верно? То-то же... Но все равно спасибо, что напомнил. Честно говоря, с этими нашими делами утром из головы как-то вылетело. Стаса там еще нет? Ну, ладно, дергать сейчас вас не буду. Но после обеда ко мне зайдите обязательно. Чтобы я хоть как-то представлял ход расследования.

Подключив флешку и открыв нужную папку, в открывшемся окне он увидел целую россыпь файлов – протоколы, объяснительные, очные ставки, характеристики, фотографии... В этот момент хлопнула входная дверь. Гуров поднял голову и увидел даже не вошедшего, а ворвавшегося в кабинет Станислава.

– Лева, здорово! – широко улыбаясь, бравурно воскликнул тот.

– Здравствуй, Стас-ананас! – обменявшись рукопожатием, с абсолютно серьезным видом ответил Лев.

Сменив улыбку на недоумение, Крячко озадаченно почесал затылок.

– Хм... А почему именно «ананас»? – насторожился он.

– Позавидовал тому, какую оригинальную рифму ты придумал – «Лева-здорово», – Гуров развел руками. – Вот... И чтобы реабилитировать себя, взял да и срифмовал тебя с очень вкусным и полезным фруктом. Заметь – тропическим и недешевым! А что, тебе не понравилось?

– Понравилось, понравилось!.. – поморщившись и как-то неопределенно отмахнувшись, Стас направился к своему столу. – Что, у «хакеров» уже был?

– Да, уже начал работать с материалами дела, – Лев указал взглядом на свой монитор.

– Вот черти оперативные! – зевнув и с хрустом потянувшись, он остановился в раздумье. – Ну, что? Надо тоже идти-и-и...

– Не выспался? – Гуров понимающе усмехнулся.

– Выспишься тут! – Станислав сокрушенно помотал головой. – Вчера вечером – просто, без задних мыслей – подвез одну симпатяшку до ее дома. От денег, естественно, отказался – я же не бомбила какой-нибудь! И она зазвала к себе на чашку чаю...

– Ну и?.. – Лев окинул его ироничным взглядом, уже заранее зная о финале чаепития.

– Ну и «прочаевничали» до трех ночи! – с некоторой даже досадой Крячко сердито рубанул рукой. – Хотя... Грешно было бы сказать, что «чаепитием» я остался недоволен. Фантастическая женщина. Огонь! Только вот... Блин! Теперь спать буду на ходу...

Он ушел в информотдел, а Гуров углубился в изучение дела о «хулиганских действиях, совершенных студентами Московского государственного института права Эльдиевым Гаджи Аминовичем и Магометовым Хасаном Ахмедовичем, в отношении сотрудницы страховой ком-

пании «Гарант-Доверие» Новиковой Юлии Витальевны». Как явствовало из материалов дела, согласно показаниям будущих юристов, те, проезжая по улице и увидев одинокую, очень привлекательную девушку, испытали опасения в плане того, что она может стать жертвой нападения каких-нибудь негодяев. Поэтому они решили довезти ее до дому, причем с самыми чистыми и бескорыстными помыслами.

Однако девушка понять их не захотела и отказалась от предложенной помощи. Тогда благородные юноши решили взять инициативу в свои руки и принудительно обеспечить ее безопасность. «...Если бы я увидел самоубийцу, сунувшего голову в петлю и насильно, вопреки его желанию, снял бы ее с его шеи, неужели и тогда я бы стал субъектом преследования со стороны правоохранительных органов?..» – философски вопрошал один из них в своем письменном протесте по поводу задержания.

И как далее повели себя «спасатели одиноких девушек», в тот самый момент, когда они, в поте лица, усаживали «спасаемую» в свое авто, на них внезапно напал какой-то «агрессивный, неадекватный мужик», который, применив запрещенные приемы, нанес им «тяжкие телесные повреждения».

Очень интересной показалась Гурову характеристика из вуза, адресованная суду, в которой студенты третьего курса Эльдиев и Магометов характеризовались как «...дисциплинированные, вежливые молодые люди, показавшие себя с наилучшей стороны. В частности, как активные участники общественной жизни института, как отличные спортсмены, не раз защищавшие честь вуза на городских соревнованиях». Также Эльдиев и Магометов были отмечены и как неперенные участники художественной самодеятельности.

Под характеристикой стояла подпись проректора по учебной и воспитательной работе. Имелось в деле и заявление некоего Общественного совета кавказских диаспор с ходатайством о снисхождении к «юношам», которыми двигали «самые искренние и благородные мотивы», но которых просто «не захотели правильно понять».

Весьма интересным оказалось досье на профессора Стокгольмского института физики плазмы Бьерна Эндвердсона. Как явствовало из различных газетных публикаций, этот ученый муж был чрезвычайно радикальных убеждений. В его кабинете одно время даже висел портрет Адольфа Гитлера, который ему пришлось убрать после скандальной публикации в одной левой газете. Кстати, не более чем через месяц в редакции этого издания вспыхнул пожар, причины которого установить так и не удалось. Следствие признало причиной возгорания неисправную электропроводку, хотя газетчики напрямую обвиняли Эндвердсона в организации поджога.

«О-го-го! – мысленно резюмировал Гуров. – А мужичок-то этот вовсе не простой... Значит, есть резон поискать его контакты в России. Вон оно как! Фюрера он очень обожает...»

В еще одной публикации, которая вышла в крупной датской газете, рассказывалось о книге, год назад изданной Эндвердсоном, под характерным заголовком «На пути к четвертому рейху», где он обосновывал свою позицию, согласно которой Европа в ближайшее десятилетие вступит в «эру консолидации и суперинтеграции», причем особого рода. Дабы не быть обвиненным в восхвалении нацизма, он не стал называть политические течения, каковые, по его мнению, и станут идеологической силой этой самой «суперинтеграции», а лишь намекнул о свойственной им цветовой гамме коричневых тонов.

А центристская французская газета, рассказавшая о сегодняшней деятельности Эндвердсона, особо подчеркнула тот факт, что целый кусок прежней жизни профессора до сих пор остается загадкой для очень многих. Никто точно не мог сказать, где был и чем он занимался в течение целого десятилетия – с девяносто пятого по две тысячи пятый год. Имелись лишь предположения, что Эндвердсон был одним из ведущих специалистов секретной лаборатории США, где принимал участие в разработке тектонического оружия. Сама статья называлась весьма характерно: «Так кто же вы, профессор Эндвердсон?»

Зайдя в информотдел и поручив «хакерам» выяснить географию посещений России Эндвердсоном – в каких городах бывал, в каких научных симпозиумах участвовал, с какими научными организациями и конкретными учеными поддерживал отношения, Гуров отправился в юридический институт.

Припарковав машину у длинной вереницы преподавательских и студенческих авто, Лев показал на проходной свое служебное удостоверение и проследовал в ректорат. Выяснив, кто куратор группы, в которой занимаются Эльдиев и Магометов, он разыскал в одном из коридоров, по которым без конца курсировали компании студентов, дверь с табличкой «Доцент В.А. Химлина». На его стук из-за двери донеслось несколько манерное:

– Вай-дите!

Открыв дверь, Гуров увидел молодящуюся блондинку с обилием перстней, браслетов, цепочек, кулонов при увесистых серьгах в ушах. Для полноты картины не хватало только лишь вдетых в нос больших колец, как это делают в иных туземных племенах. Увидев рослого незнакомца, блондинка выжидающе измерила его взглядом и, проигнорировав сказанное им «здравствуйте», с ходу поинтересовалась:

– Принесли?

– Принес... – мгновенно поняв, что к чему, Лев кивнул и сунул руку за пазуху.

– Давайте! – выпятив губы, важно кивнула блондинка, открывая ящик стола.

Гуров с многообещающей улыбкой достал удостоверение и развернул его перед самым носом хозяйки кабинета. Та, разом утратив весь свой форс и дутый фасон, на какой-то миг словно окаменела, после чего, позеленев, мгновенно захлопнула ящик и задвигала руками, явно не зная, что с ними делать – то ли спрятать под столом, то ли сделать вид, что на пальцах ничего нет. Беспомощно подвигав ртом, она наконец-то спросила:

– А-а-а... Вы... Кто? Разве вы не Борис?

– Нет, я не Борис. А что, Борис собирался оплатить переэкзаменовку своего чада? – спросил Лев как о чем-то само собой разумеющемся.

– Гражданин! Что вы себе позволяете?! – наконец-то решившись перейти в наступление, со скандальными нотами в голосе, повысив тон, огрызнулась блондинка. – Вы по какому вопросу?

– Вы куратор группы, где учатся Магометов и Эльдиев?

– Д-да... А что? – нервно стиснув пальцы, встревоженно спросила хозяйка кабинета.

Гуров напомнил ей о прошлогоднем происшествии у проходной «Полюс-Вектора», участниками которого стали ее подопечные.

– Ах, во-он вы о чем... – многозначительно протянула блондинка. – Но я не понимаю, с какой стати вы надумали ворошить прошлое? Девушка согласилась с тем, что молодые люди просто-напросто не очень удачно выразили свою готовность ей помочь, приняла их извинения... Суд, хотя в этом никакой необходимости не было, вынес им наказание – крупный штраф и по полгода условного срока. Парни искренне переживали и до сих пор пребывают в недоумении – за что ж их так?

– Кажется, я понял, кто автор той блестящей характеристики, что была направлена в суд... – не скрывая сарказма, отметил Лев. – Если опираться на написанное там, то этим двоим хоть сейчас можно присвоить звание заслуженных святых. Вот только я не знаю, чем было простимулировано ее написание – искренним убеждением в том, что эти отморозки и в самом деле порядочные люди, или конвертами, периодически бросаемыми в ящик вашего стола.

Передернув плечами, хозяйка кабинета желчно поморщилась и уведомила своего настырного гостя о том, что он все совершенно неправильно понимает. Оказывается, она ссудила некоему Борису – родственнику ее хорошего знакомого, без процентов и обязательств, двадцать тысяч рублей. И вот он сегодня должен был их занести. Только и всего.

Впрочем, ощущая внимательный, ироничный взгляд гостя, она изображала благородное бескорыстие, замешенное на простоте и наивности, на уровне сценической игры плохой актрисы провинциального театра позапрошлого века. Разве что без закатывания глаз и заламывания рук...

– Госпожа Химлина, все это очень интересно, – резюмировал Гуров, покачав головой. – Но я думаю, очень скоро вашей шарашкой – юридическим вузом в данный момент назвать ваш институт я никак не могу – очень плотно займутся соответствующие структуры МВД. А пока что я хотел бы увидеть этих двоих «кристально чистых юношей».

– Да, да, конечно!.. – трясущимися губами пролепетала та, спешно набирая чей-то номер. – Светочка, найди, пожалуйста, Гаджи Эльдиева и Хасана Магометова. Да, да, срочно! Очень нужны!

Минут через десять в кабинет после короткого стука ввалились двое типичных ломовиков – крупных парней с южным типом лица, удивленно воззрившихся на незнакомого человека, который с непонятным интересом смотрел в их сторону.

– Здравствуйтэ, Вэнера Ардальоновна! – заговорил один из них. – Ви нас визывали по поводу этого зачета-мачета? Так, тэма уже все – закрыта. Ми уже дагаварылись...

– Гм-гм!.. – преувеличенно громко Химлина перебила своего студента, и тот, догадавшись, что лучше держать язык за зубами, сразу же замолчал. – Н-нет, молодые люди, мне вас пришлось пригласить по-о-о... другому вопросу. К вам – сотрудник... Э-э-э... Ну, я думаю, он сам вам все расскажет. Я вам не помешаю? – спросила она Льва.

Тот молча отрицательно качнул головой и взглядом указал студентам на места напротив себя. Представившись и напомним события минувшей зимы, Гуров поинтересовался:

– ...Так где вы были двадцать седьмого марта текущего года с утра до пятнадцати часов дня?

Парни, недоуменно переглянувшись, разом возмущенно загалдели о том, что, во-первых, как они, до предела перегруженные учебой, могут вспомнить события почти полугодовой давности?! Во-вторых, с чего это он взял (этот – палецыйский-мальцыйский!), что они причастны к автокатастрофе?..

Коротким взмахом руки остановив поток их красноречия, Лев напомнил возмущенным хлопцам еще одно событие – нападение вчетвером на все того же Вертянина. Услышанное тут же убавило его собеседникам и апломба, и кичливой горделивости. Коротко переглянувшись, ломовики понурились, пряча глаза.

– Судя по этому происшествию, факт которого, в общем-то, доказать нетрудно, вы никак не смирились с тем, что перед Новым годом прохожий не позволил вам, так сказать, «поразвлекчься» с девушкой. Но, понимая, что даже вдвоем вам его не осилить, в «лучших» традициях трусливых отморожков вы позвали еще двоих земляков в надежде разделаться с неугодным вам человеком. И снова получили хороших «кренделей». Я не знаю, почему он снова не обратился в полицию – но я уверен, что сделал это совершенно зря...

На вопрос студентов, что именно на сей раз им собираются инкриминировать, Гуров вкратце рассказал о ЧП, случившемся на МКАДе мартовским днем. Окончательно скукожившиеся южане сидели молча, судя по всему, не зная, что сказать. Наконец один из них горячо заговорил, суматошно жестикулируя руками и несогласно мотая головой:

– Гражданын началник! Зачэм вы нам шьэтэ это дело? Зачэм? Клянусь хлэбом, клянусь радытелями – мы к ДТП нэ причастны. Абсалютно! Можэтэ даже правэрить нас на палиграфэ.

– Да, да, – закивал другой, – правэряйте как хатыте!

– Конечно, проверим! – Лев «ободряюще» улыбнулся. – Мы все проверим. Уже сейчас по моему поручению наши сотрудники проверяют все нераскрытые случаи нападения на женщин, аналогичные совершенному вами нападению на Юлию Новикову. Ведь не всем же из тех

бедолаг повезло, не всем судьба послала спасителя в лице Андрея Вертянина. Я думаю, они без труда опознают своих обидчиков.

Донельзя помрачневшие студенты сидели с чрезвычайно удрученными физиономиями. Кажется, только теперь – впервые в жизни! – они наконец-то поняли, что за свои поступки отвечать им придется. И не перед каким-нибудь добреньким судом, с одной стороны, купленным крупными «пожертвованиями», а с другой – шантажируемым «общественным мнением» зачастую полукриминальных лидеров диаспор. Теперь им светила перспектива предстать перед судом, который будет судить их в строгом соответствии с законом, безо всяких поблажек и скидок.

– Можэт быть, мы сможэм дагаварыться? – вполголоса пробормотал тот, – сидел слева.

– Нет, это исключено... – поднимаясь, Гуров категорично покачал головой. – И последнее. Пытаться скрыться не советую. Тогда уж точно вам ни один адвокат не поможет – имейте это в виду!

Выйдя из здания, он заметил у одной из курилок-беседок небольшую компанию студентов. Лев неспешно подошел к парням и, поздоровавшись, поинтересовался, не знают ли они Гаджи Эльдиева и Хасана Магометова.

– А! Так они только что вошли в главный корпус – вон их «бэха» стоит, – плотный парень, скорее всего воронежской «выпечки», ткнул окурком в сторону припаркованных невдалеке нескольких дорогих иномарок. – Вы с ними, видимо, разминулись.

– Вообще-то меня интересует ваше мнение о них как о людях, – взглянув на черное авто и чисто автоматически сохранив в своей безграничной памяти его номер, пояснил Гуров.

Студенты, среди которых были и уроженцы юга, молча обменялись взглядами, после чего тот же воронежец философски резюмировал:

– Это – с какой стороны на них посмотреть. Для многих преподав – они золотые люди, поскольку платят за все, всегда и помногу. Но я лично друзьями их не стал бы называть. Мутные ребята.

– Хоть они мне и земляки, но я их хвалить не буду, – заговорил один из парней с кавказскими чертами лица. – Торгаши с суперменскими закидонами. Их тут мало кто уважает.

Поблагодарив студентов за откровенность, Гуров направился к проходной, мысленно отметив, что студенческая среда явила в данном случае куда более здоровые натуры, нежели «преподы», которые будущих юристов со студенческой скамьи целенаправленно растят махровыми коррупционерами.

* * *

Станислав Крячко, включив свой ноутбук, внимательно изучил материалы, добытые для него информационщиками. За годы работы в паре со скрупулезно внимательным даже к мелочам Львом Гуровым, он не мог не проникнуться определенной его педантичностью. И хотя сугубо анархическая натура Станислава бунтовала против любой системности в работе, предпочитая ей эмоциональный порыв, всплеск, «сабельную атаку», порой даже не слишком подготовленную, он научился брать в узду свои эмоции, свои «не хочу» и «не нравится» и настраивать себя на упорную, последовательную работу планомерного характера.

Открыв файл с информацией по Ирине Суконцевой, он с досадой был вынужден отметить, что информационщикам раздобыть о ней удалось маловато. Родилась она и выросла в Москве, лет семь назад закончила финансовый вуз из числа не самых престижных. Еще будучи студенткой, вышла замуж за некоего уроженца столицы Тамалидзе Вахтанга Георгиевича, по профессии юриста. Прожив в браке лет восемь и за эти годы не родив детей, они развелись. Случилось это в позапрошлом году. После окончания вуза Ирина два года сидела без работы на иждивении мужа, после чего ей удалось устроиться кассиром на «Полус-Вектор-FLI». Год

отработав в этой должности, Суконцева получила пост зама главбуха. Имеет в собственности однокомнатную квартиру на улице Демьяновской, а также автомобиль «Дэу Матиз». В каких-либо клубах по интересам, сектах, политических партиях и т. д. не состоит. Периодически посещает ночной клуб «Буэнос-Айрес», фитнес-центр «Грация анаконды», на отдых предпочитает ездить в Турцию.

«Черт! Да тут при всем желании зацепиться не за что...» – с досадой констатировал Станислав, закрывая страницу.

Материалы по Короткову тоже богатством информации не изобиливали. Хотя имелось и кое-что интересное. Будучи уроженцем Московской области, после службы во внутренних войсках Павел Коротков несколько лет работал охранником в одном из крупных столичных ЧОПов – «Ликтор-два». Затем по непонятным причинам ушел с работы и около полугода числился на бирже, откуда был направлен в охрану «Полюс-Вектор-FLL», где через пару лет дорос до ее начальника. Женат, двое детей школьного возраста. Особых увлечений нет, разве что любит перекинуться в картишки или погонять шары на бильярде, причем не против сыграть на деньги.

«А вот это уже интересно! – Крячко воспрянул духом. – Если он играет на деньги, да еще и не слишком удачливо, то тогда вполне мог оказаться чьим-то должником, что, как известно, чревато всякими неприятными последствиями».

Глава 4

Сев в свой «мерин», Крячко дал газу и помчался по московским улицам, вздыхая о том, что теперь неизвестно, когда сможет выбрать часок, чтобы вздремнуть. Лавируя между потоками автотранспорта и срезая путь через сеть проулков и куда менее загруженных второстепенных дорог, через полчаса он катил по улице, вдоль которой вытянулись ряды домов, воздвигнутых примерно в шестидесятые годы. Заметив на офисной пристройке одного из домов табличку с надписью «Частное охранное предприятие «Ликтор-два», Стас подрулил к корпоративной стоянке ЧОПа и элегантно захлопнул дверь.

Включив сигнализацию, он вошел в людный холл «сторожки», как мысленно окрестил ЧОП, и, показав вахтеру в черном обмундировании свое удостоверение, спросил у того, где можно найти кого-то из руководящих лиц. Вахтер почесал под черным беретом макушку и ткнул рукой куда-то вправо. Стас прошел по коридору и, постучав в дверь с табличкой «Замдиректора В.В. Еливанов», вошел в тесноватый кабинетик, в котором восседал бильярдный лысый мужчина средних лет с тоненькими, длинными усами и хмурым, многозначительным взглядом.

Хозяин кабинета, узнав, по какому поводу к нему пожаловал представитель органов внутренних дел, после некоторого раздумья кивнул и сообщил, что бывшего сотрудника их ЧОПа помнит и может кое-что о нем рассказать.

– ...В принципе, работник Коротков был неплохой – трезвый, исполнительный, ответственный, за небольшим исключением – заядлый игрок, – неспешно повествовал Еливанов. – Если он садился за карты, то оторвать его было уже невозможно. Или, там, бильярд... Мы сразу этого как-то не заметили, а вот потом, когда все это вылезло, было уже поздно. В подпольном катране он продулся в пух и прах и, чтобы отыграться, продал нашу конфиденциальную корпоративную информацию. Мы с ним судиться не стали, просто указали на дверь. Он попытался устроиться в другие ЧОПы, но его нигде уже не приняли – в нашей среде такая информация расходуется быстро. Потом говорили, что он несколько месяцев лечился от игромании у хорошего психолога и как будто с этим пороком справился. Хотя... Как говорится, бывших наркоманов не бывает. Ну а где он сейчас – я не знаю.

Поблагодарив своего собеседника, Крячко вышел на улицу и, оглядевшись по сторонам, неожиданно для себя самого решил съездить на «Полюс-Вектор», чтобы еще раз побеседовать с Суконцевой. Например, чтобы выяснить, где сейчас ее бывший муж и чем он занимается. Кстати! Предварительно можно было бы съездить к дому, где она проживает, и потолковать с соседями. Вдруг расскажут что-нибудь стоящее? Конечно, вряд ли кто из них вспомнит про двадцать седьмое марта, но – чем черт не шутит?

«А в самом деле – почему бы нет? – мысленно рассудил он. – Набрать исходной информации и провести разведку боем. Нормально!..»

Станислав сел в автомобиль и, заранее предвкушая весьма интересные результаты от этой поездки, дал газу и снова помчался по Москве. Но неожиданно он почувствовал, как у него нудно и тягуче засосало под ложечкой. «Блин! Уже обед, а я утром только и успел попить чайку! Правильно говорит Лева – отношение к собственному здоровью просто безобразное...» – мысленно укорил он сам себя и поэтому решил на пару минут завернуть в первую попавшуюся кафешку.

Взяв бифштекс с картошкой и чай с лимоном, Станислав приступил к обеду. Народу в кафе было немного, в основном – молодежь студенческого возраста. Судя по всему, где-то рядом было учебное заведение. За соседним столиком с Крячко сидели двое мужчин средних лет, которые что-то обсуждали вполголоса. Стас прислушался.

– ...Короче, ждать я больше не могу. Понял? – зло проворчал один из собеседников – крупный, с золотой «фиксой» и синевой татуировок на тыльной стороне ладони. – Или отдаешь прямо сейчас, или... – он чуть приметно изобразил весьма характерный жест – оттопыренным большим пальцем коротко чиркнул напротив своего горла.

Его визави побледнел и тоже полупшепотом стал уговаривать того подождать:

– Слушай, Борман! Ну, будь человеком?.. Подожди еще хотя бы неделю – я тебе все отдам, даже с процентами. Клянусь! Ну, нет сейчас пока ничего. Понимаешь? Везде полный голяк. Мне самому должны вдвое больше, чем я тебе.

– Взыскивай, Маклер, взыскивай! Тебе кто мешает? – зло прошипел Борман. – Что, кишка тонка? Так в этом никто не виноват! Ты мне еще обещал, что твоя тетка скоро «отвалит», и ты отпишешь мне ее квартиру. Она что, все еще жива?

– Жива... – обреченно выдохнул Маклер. – Ну, не убивать же ее? Господи... Что же делать? Борман, прошу всего три дня! Три!

– Или сейчас, или... – Борман под столом что-то достал из кармана, и тут же раздавалось характерное клацанье ножа с выкидным лезвием. – Я ведь знаю, почему ты тут «стрелку забил». Надеялся, падла, что тут я тебя побоюсь замочить? Да мне все по херу. Понял? Короче: или бабло на стол, или – молись, сучара!

– Борман, Борман! Не надо! Не надо!.. – с округлившимися от ужаса глазами Маклер втянул голову в плечи и вжался в стул.

Коротко оглядевшись по сторонам, его собеседник пружинисто поднялся со стула и, коротко замахнувшись, направил острие своего ножа в висок должника, но... Никто из этих двоих даже не ожидал, что в этот, по сути, уже фатальный исход их спора вмешается кто-то третий. Когда до головы Маклера оставались считанные сантиметры, стремительный, всесокрушающий рычаг руки Бормана внезапно замер, схваченный чьей-то чужой, очень и очень нехилой лапицей. Тот, бешено рывкнув, попытался вырваться, чтобы воздать должное нахальному «фраеру», который осмелился вмешаться в конфликт «деловых». Однако всего пару мгновений спустя он оказался скрученным столь жестко, что его голова уперлась в пол, а ноги беспомощно заерзали, не находя себе опоры.

Маклера, вскочившего было со стула и, как видно, вознамерившегося дать деру, осадил суровый окрик:

– Куда?! Сел на место!

Тот, остолбенев, покорно опустился на стул. Посетители кафе ошарашенно наблюдали за странным зрелищем, не зная, как на него реагировать. А Станислав, оглянувшись в сторону официанта, распорядился:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.